

Ксения Перова

ОБЕЗГЛАВЛЕННОЕ ДРЕВО

Книга вторая. Джори

12+

Ксения Перова
Обезглавленное дерево.
Книга вторая. Джори
Серия «Обезглавленное дерево», книга 2

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=55328480

SelfPub; 2022

ISBN 978-5-532-99916-9

Аннотация

В пятнадцать лет Айкен Райни стал полноправным Свершителем города Вьена. В его мире, где прошло триста лет после эпидемии, погубившей большую часть человечества, Свершителями называют палачей.

Это каста изгоев – окружающие боятся даже прикоснуться к ним, чтобы не навлечь на себя проклятие. Они обречены на одинокую жизнь среди людей.

Айк не сдаётся – у него есть друзья и есть надежда на счастье. Если избежать своей судьбы не удалось – он изменит мир, в котором живет!

Но есть те, кто готов помешать ему любой ценой...

Содержание

1	5
2	43
3	82
Конец ознакомительного фрагмента.	98

Ксения Перова
Обезглавленное древо.
Книга вторая. Джори

Посвящается Эделасу

1

Айку все чаще снится один и тот же сон.

В начале в нем нет ничего страшного, вообще ничего. Просто заснеженное поле, черный ночной лес, унылый серпик луны в разрыве низких туч. Цепочка лошадиных следов на нетронутой целине.

Но куда ведут эти следы? Где эта лошадь и, главное, – что случилось со всадником? Нужно его найти, как можно скорее! Ведь лошадь понесла, а он не умеет ездить верхом!

Айк бежит, увязая в глубоком снегу. Пот льет градом, он задыхается.

– Эйви, где ты?! Где ты?

И вдруг замирает – за спиной кто-то есть. Только это не Эйвор.

Айк оборачивается. Нет смысла убегать от напастей, все равно никуда не спрячешься. Лучше уж так – сразу, лицом к лицу.

Над ним возвышается огромная фигура, черный силуэт без лица, порождение мрака.

– Он потерян, – гудит низкий голос, и этот гул пронизывает Айку, заставляя вибрировать кости, – потерян навсегда. Ты не вернешь его. Отступись.

– Я не верю тебе, – упрямо произносит Айк, – Эйвор здесь, и я его найду.

Он отворачивается, чтобы продолжить путь.

Но тьма окутывает его, точно мягкое покрывало и шепчет, шепчет в самые уши:

– Он потерян, и это твоя вина. Твоя вина... твоя вина...

– Айк, проснись! Айки!

Лицо Эйвора склонилось над ним – осунувшееся, повзрослевшее.

Что это – явь или все еще сон?

Айк приподнялся на постели, потер ладонями лицо.

– Я кричал?

– Не очень громко. – Эйвор попытался улыбнуться, но в темных глазах застыла тревога.

– Прости, Веточка. Плохой сон приснился.

– О том дереве?

Айк вздрогнул. Пару лет назад образ пылающего дерева постоянно преследовал его в кошмарах. Но он никогда не рассказывал младшему брату об этих снах.

– Откуда ты знаешь?

– Ты повторял: «Дерево! Дерево!» Не сейчас – тогда, раньше. А сейчас тебе что приснилось?

– Не помню.

Айк скинул ноги с кровати и потянулся за одеждой. Эйвор уже оделся и сидел напротив на своей постели – отдыхал. Теперь ему приходилось часто отдыхать. Почти постоянно.

Они спустились в кухню, где Лурдес уже вовсю готовила

завтрак. Маленькая, смуглая, черные волосы собраны в короткий пучок, руки так и мелькают – быстро, сноровисто. В старых штанах и рубашке Эйвора она выглядела совсем мальчишкой. В плите гудел огонь, весеннее утро радостно ломилось в частый переплет окна. Вкусно пахло горячей кашей, влажной тканью и деревом.

Усевшись, Айк принялся рассеянно грызть большой палец у ногтя – дурацкая привычка, от которой он много лет не мог избавиться. В задумчивости или когда ему было не по себе рука сама тянулась ко рту.

Почему события трехлетней давности вдруг начали возвращаться в снах? И почему именно этот момент их с Эйвором неудавшегося побега – ведь тогда все закончилось благополучно? Если бы ему снились кошмары о том, как Эйвор заболел и он, Айк, сходя с ума от горя и чувства вины, был вынужден вернуться с ним домой – это было бы понятно. А так...

– Варенье будешь? – Голос сестры прозвучал над ухом неожиданно громко, и Айк вздрогнул.

– Да, спасибо.

Лурдес поставила перед ним миску с кашей, распахнула окно и крикнула:

– Мэй!

Пару минут спустя хлопнула входная дверь, и в кухню вошла Мэйди с арбалетом на плече. Осторожно пристроила громоздкое оружие в углу и взяла свою миску.

Стрелять из арбалета худо-бедно умели все члены семьи Райни, но только Мэйди увлеклась этим всерьез. Хозяйство было немаленькое, работы полно, но она обязательно находила хоть десять минут в день, чтобы пострелять по самодельным мишеням. Айк не совсем понимал, зачем ей это, ведь никто из них никогда не охотился. Но не слишком забивал себе голову – были проблемы и поважнее.

Тишина во время завтрака нарушалась лишь щебетанием Лу, которая была просто не способна подолгу молчать, а во внимательном слушателе не нуждалась. Эйвор вяло ковырял еду, Мэйди, глядя в стол, наворачивала за обе щеки. Ела она так же, как работала – молча и неумоимо. Глядя на нее, Айк всегда думал – вот уж кто пошел в отца. Характером, конечно, так-то они с Лу были близнецами.

Айк запивал кашу ягодной водой и рассеянно слушал пересказ любовного романа, пленившего воображение сестры. Затем она начала обстоятельно перечислять дела на сегодня: выгнать коз на выпас в лесной загон, почистить хлев, собрать яйца и покормить кур, прополоть три грядки, приготовить обед...

Айк понимал, что Лурдес говорит это не в укор ему – мол, вот сколько дел, а ты уходишь. Ей просто нравилось ощущать себя домовитой хозяйкой. Однако совесть его уколола – привычно и тем не менее болезненно.

Ничего не поделаешь, надо поскорее вернуться в город – уже рассвело, а идти часа два быстрым шагом. Он и так за-

держался.

Торопливо натягивая в передней сапоги, Айк в который раз поразился двойственности своих чувств.

В город, разумеется, идти не хотелось – ничего хорошего его там не ожидало. Но невыносимо и оставаться здесь, смотреть на бледного, тяжело дышащего Эйвора, на сестер, у которых к концу дня от усталости кружится голова и иногда кровь идет носом. Не будь они такими крепкими – удивительно крепкими и рослыми для семилеток – давно бы свалились от непосильной работы.

Когда мама умерла, Айку тоже пришлось несладко, но он все-таки был постарше. К тому же тогда с ними жил близкий друг отца, Дирхель Магуэно. Он был Искателем и оставил свои походы по Хранилищам на целых два года, пока близняшки не подросли немного. Теперь на это рассчитывать не приходилось.

Айк забросил на плечо кожаную котомку и вышел на крыльцо. Окинул взглядом темный лес – тот окружал дом, словно второй забор, непроницаемой стеной. Утренняя прохлада струйками проникала под плащ. Весна весной, но ночи еще холодные.

Два огромных бело-рыжих кобеля – Райст и Кари – радостно приветствовали Айку, и он ласково потрепал их по густой шерсти. Хвала Всемогущему, есть в этом доме хоть кто-то, перед кем он не испытывает чувства вины.

– Уже уходишь?

Айк с невольным вздохом обернулся. Эйвор выглядывал из приоткрытой двери.

– Да, мне пора, Веточка.

Эйвор нерешительно спустился с крыльца и подошел к брату. Сердце Айка снова болезненно сжалось – на ярком свете бледность и худоба младшего бросались в глаза еще сильнее. К тринадцати он сильно вытянулся и стал еще более изящным, чем в детстве, а тонкие черты лица придавали ему сходство с хорошенькой девочкой. Темные, слегка выующиеся волосы были смочены водой и аккуратно зачесаны назад.

Еще пару лет назад Айк не поверил бы, что босоногая расстрепка Эйвор может всерьез заботиться о своей внешности – но факт оставался фактом.

Стоя перед братом, Эйвор внимательно вглядывался в его лицо, словно искал что-то. Кари тыкался носом в его ладонь, но он не обращал внимания на пса.

– Ну, что такое? – нетерпеливо спросил Айк. – Я правда спешу.

Эйвор виновато отступил на шаг. Но потом вдруг бросился к Айку и порывисто обнял его за шею. Тот со вздохом опустил котомку и обнял брата в ответ.

– С Мэйди поссорился?

Эйвор молча помотал головой, не разжимая рук. Айк слегка отстранил его.

– Что же тогда?

– Да так, ничего, – буркнул Эйвор. Но в глазах его сверк-

нули слезы, и он неожиданно жалобно произнес: – Айки, ты меня еще любишь?

Острая нежность, вина и стыд захлестнули Айку.

– Конечно, люблю, Веточка! – горячо произнес он, крепче прижимая брата к себе. – Что у тебя за странные мысли?

– Не знаю, – вздохнул Эйвор уже спокойнее, – я тут думал, думал...

– Очень опасное занятие, – усмехнулся Айк.

– Угу.

– Ну и до чего додумался?

Эйвор снова вздохнул и, опустив глаза, произнес:

– Я тебе только мешаю теперь... мне все слишком трудно, по лесу пройти – и то не могу...

Против воли Айк почувствовал раздражение. Он любил младшего, но надо же было ему завести свою песню именно сейчас, когда позарез нужно в город!

– Не говори глупостей, ты мне не мешаешь. Наоборот – ты работаешь в мастерской, помогаешь нам. Отец очень доволен тем, как ты справляешься!

– Если доволен, почему держит меня здесь? – буркнул Эйвор себе под нос.

– Что ты сказал?

– Да так...

– Ладно, слушай, – Айк решительно взял брата за плечи и заглянул ему в глаза, – грустить тут не о чем, правда! Смотри, весна наступила! Лето быстро пролетит, оглянуться не

успеешь – Дирхель вернется, привезет нам новые книги. Не унывай, ладно? Я знаю, тебе трудно, но мы должны держаться, нельзя падать духом!

– Как Соколиный Глаз? – криво усмехнулся Эйвор.

– Ага. Вспомни, он почти всегда был один, а у тебя есть я, отец, Дирхель и девочки. И мы будем с тобой, что бы ни случилось!

Айк снова крепко обнял брата и подхватил котомку.

– Все, я пошел! Побегу тихо, как Соколиный Глаз!

Эйвор с улыбкой проводил его до калитки. Айк почувствовал облегчение, когда она закрылась за ним и поспешно углубился в лес. Но еще долго ощущал за спиной присутствие брата – как будто он смотрит ему вслед робким, печальным взглядом.

Базарные дни – гадкое время, город наводняет пришлый народ из окрестных деревень. В такой толпе карманникам раздолье, но и Всемогущий бы с ними. Пусть воруют, пусть хоть главу магистрата обчистят – плевать. Беда в том, что кто-то обязательно попадется.

Айк не бывал нигде, кроме Вьена, а вот Дирхель путешествовал всю жизнь и рассказывал, что город их не из самых крупных, встречаются и побольше. После того как триста лет назад эпидемия «белой лихорадки» погубила большую часть человечества, после Великого Исхода из Мегаполисов такие города стали обычным делом. Чтобы спастись в наступив-

шем хаосе, люди укрепляли их и обороняли, как крепости. Вьен тоже был окружен высокой бревенчатой стеной.

Но сейчас, хвала Всемогущему, жизнь стала спокойнее. Уже лет двадцать в округе не появлялось ни одной разбойничьей банды, в деревнях жили спокойно, а в городе даже ворота на ночь не запирали. Патрули остались, но только для охраны правопорядка.

Вьен не любил Айка, и это чувство было совершенно взаимным. При одном взгляде на темные бревенчатые и каменные дома с узкими окнами, на мостовую, заваленную гниющей соломой и конским навозом, всю в рытвинах и ямах, тоска по лесу с новой силой вспыхивала в душе Айка – даже если он, как сейчас, провел дома несколько дней.

Через Вьен протекала чахлая речка; она уходила в древние подземные трубы, проложенные еще до Исхода, а на выходе из города была подперта плотиной на случай пожара и сочилась зловонной жижей. В гнилой прудик бросали объедки,дохлых собак, тряпье и всякий хлам. Сливать нечистоты в реку строго запрещалось – для их сбора город объезжали специальные бочки. Но, конечно, находились те, кто плевал на все запреты – и воздух от этого не становился свежее и ароматнее.

Да что там – в городе стояла просто убийственная вонь. Аик старался дышать ртом, но тяжелый, смешанный запах кухонь, дыма, навоза, нечистот и испарений человеческих тел заползал в нос и, казалось, въедался в него изнутри.

Айк знал, что через пару часов притерпится к запаху, но сейчас тот был ужасен – особенно здесь, на главной улице, ведущей от ворот к площади.

С огромным облегчением свернул он в крошечный переулок; здесь стоял единственный дом, двухэтажный, в хлопьях черной краски. Его окружали заросли кустов и деревьев, которые Айк про себя называл «садом».

Рассохшаяся дверь поддалась только со второго рывка. В доме пахло тоже отнюдь не розами: горящим маслом, готовкой, свечным нагаром и – особенно сильно – какой-то химией. Но этот запах с детства был частью жизни Айка, даже успокаивал.

Скинув сапоги, он поспешно поднялся по скрипучей лестнице на второй этаж и вошел в мастерскую.

Здесь, как обычно, топился камин и химией пахло еще сильнее. Дневной свет еле пробивался сквозь закопченные стекла единственного окна, и на большом столе, заставленном стеклянной посудой, горело несколько свечей.

В мастерской Айку нравилось. Она была почти такой же, как дома, но без перегонного куба и стеклодувной печи. По стенам полки с книгами, шкафы забиты разноцветными колбами, банками, пробирками, на сундуке у окна – куча какой-то ветоши, запахи реактивов и трав, резкие, едкие, сладкие... Айк глубоко вдохнул и замер на минуту, поглощенный воспоминаниями – не о чем-то конкретном, а вообще, о той жизни, которая когда-то была и которую у него отобрали.

Пусть отец не доверял ему тогда дел серьезнее измельчения в ступке разных веществ и нарезания трав, все равно это было в тысячу раз лучше теперешних «поручений».

Эдвард Райни, отец Айка, склонился над столом в напряженной позе. Из-за жары он был обнажен по пояс. Мускулистый, высокий, в кожаных штанах и фартуке, он напоминал кузнеца за работой, хотя для кузнеца был слишком легкого, сухоощавого сложения. Длинная черная коса змеилась по блестящей от пота спине.

Эдвард осторожно помешивал стеклянной палочкой бурый порошок в металлической чашке. Дно чашки лизал тонкий язычок синего пламени, вырывавшийся из стеклянной горелки. Порошок игнорировал и нагрев, и помешивание.

Отец и сын не поздоровались и не пожелали друг другу доброго утра. Но это отнюдь не означало, что они в ссоре. Просто утро не сулило им ничего доброго. А все из-за листа бумаги, лежавшего на столе между разнокалиберных стеклянных сосудов, пустых и полных.

Айк ощутил вязкую пустоту в груди. Он знал почти наверняка, что приказ будет, но все-таки надеялся... как всегда, напрасно.

– Клеймение, – не отрываясь от своего занятия, произнес Эдвард, – ты справишься.

Айк кивнул и сунул приказ за отворот куртки. Подождал в надежде, что отец что-нибудь добавит, но тот молчал. Айк тихонько вздохнул и пошел собираться.

Обычно клеймением – татуировкой или раскаленным железом – и изгнанием из города наказывали за повторное воровство. Во Вьене, где должен был стать Сверхителем Айк, предпочитали раскаленное железо. Когда Айк наблюдал клеймение в первый раз, его вывернуло наизнанку от запаха горелой плоти, но деваться было некуда, пришлось освоить эту ужасную процедуру. Прошло три года, а он по-прежнему испытывал дурноту при одной мысли о предстоящем клеймении.

«Не думай об этом, не думай и все», – уговаривал он себя, спускаясь по лестнице с котомкой в руках. Натянул сапоги, накинул плащ. Солнце пригревало, но Айку казалось, что в плаще он выглядит внушительнее.

Этой весной он достиг пятнадцатилетия и по закону был уже взрослым, но сам себя таковым не чувствовал. Особенно когда отец отправлял его выполнять приказ в одиночку.

По нежно-голубому небу плыли кучевые облака с белыми спинками и серыми подбрюшьями, в кронах деревьев оглушительно гомонили птицы. Айк невольно улыбнулся, но вспомнил, что ему предстоит, и улыбка увяла.

Он вышел на главную улицу, и на него снова обрушился слитный гул сотен голосов, скрип колес, хохот, крики и брань. К счастью, горожане, увидев массивную, облаченную во все черное фигуру, поспешно расступались, чтобы край плаща ненароком не коснулся их. Поначалу Айка это коробило, но на самом деле так было даже удобнее – можно быст-

ро дойти, куда нужно. Что же до остального... если бы закон и не запрещал Свершителем общаться с обычными людьми, о чем, скажите на милость, он говорил бы с ними?

Айк обогнул здание магистрата с правой стороны – здесь притулилось небольшое каменное строение с решетками на окнах.

Население города составляло около десяти тысяч человек, еще столько же, вероятно, проживало в окрестных деревнях, но тюрьму расширять не собирались, обходились тем, что есть. Магистрат настаивал, чтобы приказы о наказаниях исполнялись как можно скорее – провинившиеся получали свое и отправлялись восвояси.

Айк перевесил котомку на другое плечо и начал дубасить кулаком в дверь. Охрана наверняка еще десятый сон досматривала, да и наплевать. Он хотел побыстрее с этим покончить.

Наконец за дверью послышались запинаящиеся шаги, и в такт им сонным голосом выдавались ругательства. Из них складывался смысл, что солнце едва встало, все добрые люди еще спят – так какого же нужно?

Смотровое окошечко, забранное толстой решеткой, с лязгом открылось, и ругательства стихли, как по волшебству. Айк был только помощником Свершителя, но тюремная братия трепетала перед ним ничуть не меньше, чем перед Эдвардом. В глубине души он даже находил это забавным. Было невозможно удержаться и не подразнить немного оробев-

ших служак.

Когда дверь распахнулась, он, сдвинув брови, шагнул через порог и окинул молодого охранника таким свирепым взглядом, что тот попятился.

– Все готово? – холодно произнес Айк, стараясь, чтобы голос звучал низко и угрожающе. При его от природы глубоком тоне это не составляло труда.

Охранник был действительно очень юн, может, ровесник Айка, в нелепом, слишком большом для него кафтане и при мече.

– Боюсь, еще рано, господин, – пробормотал он, – но мы... приказ позвольте?

Айк величественным жестом достал бумагу и развернул ее. Юнец, подслеповато щурясь, прочел – в руки, естественно, брать не стал – и глаза его слегка оживились.

– А, это насчет Хораса! Сию же минуточку устроим!

– Поживее, я не собираюсь сидеть здесь весь день, – надменно произнес Айк, скидывая котомку и плащ.

Охранник отпрыгнул в сторону и поспешно засеменял вглубь тюрьмы. Айк с усмешкой прошел в комнату для исполнения наказаний.

Убожество тесной комнатки с низким, черным от копоти потолком было давно знакомо и привычно. А вот к грязи привыкнуть не удавалось – с момента постройки здания здесь, похоже, не убирались ни разу. Иногда Айк думал, что бы сказали охранники, если бы он явился с ведром воды и

тряпкой и отмыл все до блеска. Но это подорвало бы его авторитет Свершителя, так что приходилось терпеть.

Он закрепил металлическую палочку с клеймом на каминной решетке. На звук открывшейся двери не обернулся – так и стоял, скрестив руки на груди и глядя на огонь. За спиной возились и сопели.

– Полегче, полегче, милейшие! – произнес вдруг высокий, насмешливый голос. – Подняли ни свет ни заря и таскаете, как мешок с картошкой!

– Поговори еще! – грубо произнес один из охранников. Звякнули пряжки – приговоренного пристегивали к массивному стулу. Но он не унимался.

– Нет, в самом деле! Я обожаю жареное, но на голодный желудок меня тошнит от этого запаха. Эй, парень, может, дашь сначала пожрать?

Айк обернулся, не веря, что обращаются к нему, но это было так.

Перед ним, накрепко привязанный ремнями за запястья и лодыжки, сидел худощавый, немолодой уже человек. Точнее, в первый момент Айку показалось, что он немолод, потому что темные, спутанные волосы прорезала седина. Но он поднял голову, в свете пламени сверкнули живые черные глаза и беззаботная ухмылка, и стало очевидно – седина скорее следствие бурной жизни, чем возраста.

Айк не мог общаться с людьми, но обладал прекрасной памятью на лица. И готов был поклясться, что никогда прежде

не видел этого субъекта, даже в базарные дни.

Да и одет он был странно. Деревенские обычно носили холщовые штаны и рубашки, меховые или кожаные жилеты. Куртка и кожаные штаны говорили о принадлежности к горожанам, но такого покроя Айк никогда не видел. Одежда грязная, но не сильно поношенная – похоже, незнакомца просто пару раз уронили в лужу при поимке.

Айк вздрогнул – понял, что стоит и разглядывает заключенного в упор. А тот, склонив голову набок, точно любопытная птица, в свою очередь изучал Айку внимательным взглядом. Вдруг губы его скривились.

– Я смотрю, в Свершители нынче детей нанимают! – с отвращением заметил он. – Последние времена настали! Ты вообще представляешь, во что ввязался, малявка?

Под этим смелым, блестящим взглядом Айк смешался, но сразу овладел собой.

– Оставьте нас! – резко бросил он обалдевшим охранникам. Те исчезли в мгновение ока, словно их ветром сдуло.

Незнакомец улыбнулся.

– Нет, я ошибся, ты не сам в это ввязался. Тебя заставили... о, я понял! Ты сын Свершителя, верно?

Айк проверил клеймо – оно чуть заметно светилось красным. Надо еще немного подождать. Заткнется наконец этот болтун или нет? Вот странная птица!

Когда Айк сопровождал отца на клеймение или под его руководством клеймил сам, приговоренные всегда были

примерно одинаковы. Бедные крестьяне или бродяги, до полусмерти напуганные тюрьмой и судом, при виде Свершителя столбенели и редко издавали какие-либо звуки, кроме воплей боли.

Впервые приговоренный человек – да что там, впервые обычный человек! – обращался к Айку и вроде как хотел говорить с ним. Ощущение было волнующее.

– Да, я сын Свершителя, – медленно произнес он, поворачиваясь к заключенному, – а кто вы и откуда?

– О, мы снизошли до разговора! – насмешливо произнес человек и откинул волосы назад резким движением головы. – Ну что ж, на безрыбье... как тебя зовут, малый?

– Айкен Райни. И я вам не «малый»! – нахмурился Айк.

– Ах, ну простите за фамильярность! Будем знакомы – Хорас Гендерсон. Увы, лишен удовольствия пожать вам руку. Впрочем, это легко исправить...

– То есть? – подозрительно произнес Айк.

– Ну, тебе стоит только расстегнуть ремни, Айкен, – усмехнулся Хорас. Его крупные, желтые зубы напоминали лошадиные.

– Перебьешься! – резко бросил Айк и тут же устыдился – никак не ожидал, что сможет говорить так грубо с человеком гораздо старше себя. Он был смущен и растерян, не знал, что и думать.

Хорас, однако, не обиделся. Ему явно доводилось слышать кое-что и похуже.

– Правильно, дело прежде всего! – И он подмигнул Айку, как заговорщику. – Ну что ж, действуй, парень, я в тебя верю!

Айк поспешно повернулся к камину и взял клеймо специальным зажимом. Но когда приблизился к заключенному, то обнаружил, что на кисти его правой руки уже есть клеймо – грубо выжженная буква «Р».

От неожиданности Айк замер – такого знака он никогда не видел. Должен ли он поставить клеймо на другую руку? Или клеймить новым выше старого?

Айк мгновенно взмок от волнения. Поднял глаза и наткнулся на пристальный взгляд, напряженный в ожидании боли.

– Давай, не дрейфь, парень, – мягко, почти по-дружески произнес Хорас, – валяй поверх, не ошибешься. Один грех другой искупает.

Не надо было этого делать, не надо! Но, выбитый из колеи странным заключенным и их не менее странной беседой, Айк просто сделал, что велели. Прижал раскаленное клеймо к тому месту, где бледно проступал неровно заживший первый ожог.

Раздалось негромкое шипение, в нос ударил сладковатый запах сожженной плоти. Хорас не вскрикнул, только голова его резко откинулась назад, жилы веревками натянулись на смуглом горле.

Ремни заскрипели, и Айк увидел, как проступила кровь

из-под ногтей второй руки – с такой силой пальцы вонзились в ладонь. Он поспешно бросил клеймо в бачок с водой, где оно скрылось со злобным змеиным шипением.

Хорас чуть расслабился, тяжело дыша сквозь стиснутые зубы.

– А, к Темному в печенку! – прохрипел он. – Парень, ты будешь мастером своего дела! Не откажи в любезности, плесни водички... маленько печет...

Кожа на руке вспухла и покраснела, было слышно, как она шкворчит, точно жир на горячей сковородке. При этой мысли Айка чуть не вывернуло, но каким-то чудом он удержался и глухо произнес:

– Водой нельзя, простите. Она грязная... рана воспалится.

Хорас приподнял голову. Смуглое лицо побледнело и блесело от пота.

– Сколько Свершителей перевидал, но такую заботу встречаю впервые, – насмешливо произнес он и добавил с внезапной пронизательностью, – непросто тебе будет, парень.

– Знаю, – буркнул Аик. Достал из котомки маленькую баночку и вложил ее в здоровую руку заключенного, – вот, возьмите. Это ускорит заживление.

Теперь Хорас смотрел на него с таким интересом, будто Аик предложил ему по меньшей мере секрет вечной молодости.

– С чего бы? Или ты всем это раздаешь?

– Всем, – пожал плечами Айк, – человек не должен мучиться больше, чем предписано законом. Запомните: намажете, когда перестанет жечь и будет только болеть, не раньше.

– Почему? – с любопытством спросил Хорас.

– Тепло, передавшееся в кожу от металла, выйдет обратно. Если намазать сразу, этого не произойдет, и ожог получится глубже.

Айк достал из бадьи остывшее клеймо, тщательно вытер и положил в котомку. Хорас наблюдал за ним, словно бы позабыв про боль.

– Ты откуда такой взялся, парень?

– То есть? – теперь уже удивился Айк.

– Не слишком-то ты похож на Свершителя.

– А вы не слишком похожи на вора, – не удержался Айк.

Хорас откинул голову назад и захохотал.

– Верно подмечено – это потому что я не вор. Я просто попался на воровстве. Есть разница.

– Не для суда.

– Само собой, – темные глаза внимательно изучали Айка, – люди привыкли видеть лишь то, что на поверхности, вглубь заглянуть им недосуг, да и не все знают, как это делается.

– Загляни они в вас – и одним клеймом вы бы не отделались, – парировал Айк и опять удивился себе – где наловчился так отвечать? Всегда был задним умом крепок...

Хорас засмеялся с искренним весельем.

– Чтоб мне пропасть, ты нечто, паренек! – Он наклонился вперед, насколько позволяли ремни и снова подмигнул Айку. – Если тебе надоест делать за других грязную работу, поезжай в порт Ройн и спроси Хораса Гендерсона.

– И что тогда? – Айк вскинул котомку на плечо и взял плащ. – Вы дадите мне чистую работу взамен моей грязной?

– Увы, нет, – вздохнул Хорас с притворной печалью, и тут же глаза его снова остро сверкнули, – работу тебе я смогу предложить не чище, чем здесь, а может, и погрязнее. Но зато будешь распоряжаться собой, как пожелаешь. Будешь свободен. Ты ведь этого хочешь?

Айк невольно вздрогнул и поспешно отвел глаза. В два шага достиг двери и отворил ее.

– Эй, кто-нибудь! – Голос его гулко отозвался в длинном коридоре. – Я закончил!

За спиной снова раздался смех. Айк еле дождался появления охранников и поспешно двинулся к выходу, а вслед ему несло:

– До встречи, Айкен Райни! Надеюсь, она будет скорой!

Айк был в таком смятении, что чуть не забыл о важном деле, которое неукоснительно выполнял каждое утро. Пришлось сделать крюк, чтобы попасть на одну из улиц, лучами расходившихся от рыночной площади.

На подходе к рынку улица сужалась, и, когда проезжала

телега, приходилось прижиматься к стене дома и пропускать ее. Айк чуть задержался, чтобы оказаться там именно в такой момент.

Пока телега громыхала мимо, он запустил руку за спину и нащупал в каменной кладке одному ему известную щель. В ней лежала туго свернутая бумажка. Айк стиснул ее в кулаке и пошел дальше как ни в чем не бывало.

Записка жгла руку, но читать посреди улицы под недобрыми взглядами горожан, было невозможно. Айк продолжал идти с каменным лицом, пока не свернул на улочку, где стоял их дом. Только здесь, не в силах терпеть, он остановился и развернул записку.

«Отец ушел в деревню. Буду на месте до полудня», – гласила она.

Сердце Айка подпрыгнуло от радости. Он сунул записку за пазуху и припустил со всех ног, благо никто не мог его здесь видеть – на их улицу выходили глухие стены домов, без единого окна.

Айк распахнул дверь и бросил плащ и котомку на скамью в передней. Отец что-то крикнул сверху, но он сделал вид, что не расслышал и выбежал на улицу. Не обращая внимания на шарахавшихся от него людей, почти бегом добрался до ворот и, миновав их, пошел напрямик через поле, к лесу.

Вокруг Вьена сохранились остатки прежнего города, времен Исхода – полуразрушенные стены домов, фундаменты, захваченные молодой лесной порослью, почти исчезнувшие

дороги, насквозь проржавевшие мобы. В детстве все это производило на Айка огромное впечатление, но теперь он так привык к древним развалинам, что не обращал на них никакого внимания.

В отличие от города, в лесу ранняя весна была благоденствием. Голубизна неба ослепляла, подлесок приятно пружинил под ногами. От земли поднимался плотный, теплый запах прошлогодней травы и едва ощутимый аромат мелких белых цветочков, росших россыпью у корней деревьев. Если набрать их целую пригоршню, запах словно прилипал к рукам – тонкий, неуловимый, сладостный.

Айк блаженно жмурился и с силой вбирал в себя воздух, будто пытался вдохнуть вместе с ним и солнечный свет. Он шел все дальше, углубляясь в лес, пока не достиг места, которое они с Джори называли «бамбуковой рощей».

Ровная земля – приятное разнообразие после бесконечных оврагов и ям – шла слегка под уклон, поэтому вода не задерживалась, почва была сухой и теплой. Вездесущие ореховые кусты здесь не росли, и лес состоял из одних только деревьев, идеально прямых и ровных, словно их аккуратно высадил рядами неведомый садовник. Тоненькие стволы молодой поросли напоминали заросли бамбука – Джори видел картинку в какой-то книге.

Айк тяжело дышал – отвык за зиму от быстрой ходьбы – и с тревогой оглядывался по сторонам. Что, если Джори не дождался его и ушел? Такого никогда не случалось, но Айк

все равно каждый раз волновался, как ребенок.

И тут он увидел Джори – тот сидел под деревом на расстеленном плаще и, похоже, дремал, подставив лицо солнечным лучам. Не слишком-то разумно при его от природы светлой коже.

– Смотри, сгоришь еще до лета! – с улыбкой произнес Айк, приближаясь.

Джори открыл глаза.

– Айки! Наконец-то!

Голос его, высокий, мягкий и удивительно мелодичный, прозвучал, точно пение птицы высоко в ветвях. На сердце сразу стало легко и спокойно – с самой первой встречи этот голос имел над ним какую-то колдовскую власть.

– Торопился, как мог, – он присел на плащ рядом с другом, – все силы мрака не смогли бы остановить меня!

Джори улыбнулся. Это был высокий, светловолосый юноша, с широкими плечами и грудью, с крепкими, сухими мышцами. Однако что-то странно болезненное проскальзывало в его облик. За последние годы худое лицо словно подсохло, черты стали еще более резкими, а тени под глазами – более глубокими.

Печать бесконечной усталости лежала на этом совсем еще юном лице, усугубляя его суровость. Сейчас оно смягчилось, но между бровей уже оставила след вертикальная морщинка постоянного беспокойства.

Джори и Айк и раньше были очень разными, с годами

различие лишь усилилось. Айк сильно возмужал и шириной плеч мог поспорить с Джори, хотя и был на два года младше. Пышные каштановые волосы, связанные в неизменный хвост, напоминали звериную гриву. Смуглое широкоскулое лицо с массивной нижней челюстью тоже наводило на подобные мысли – глаза цвета темного меда сверкали из-под густых бровей совершенно по-волчьи.

Да и не только лицо – вся тяжелая, мускулистая фигура Айка дышала угрюмой свирепостью и силой. Когда-то мальчишки прогоняли его и Эйвора из деревни. Появись он там сейчас – никому и в голову не пришло бы усмехнуться ему в лицо, а тем более бросить камень.

Раньше к нему не приближались, потому что он сын Свершителя, а теперь еще и от страха перед ним. Айка такой расклад вполне устраивал. Джори Холланд оставался его другом, а на остальных ему было глубоко наплевать.

Они сидели молча, бок о бок, бездумно наслаждаясь теплом и обществом друг друга. Айк строгал ножом тонкую веточку, Джори наблюдал за ним из-под полуопущенных век. Глаза у него были светло-серые, но совсем не холодные, просто ясные.

– Не могу на это смотреть, – сонно промолвил он, – не нож, а недоразумение какое-то.

– Ну и не смотри, – усмехнулся Айк, не прерывая своего занятия.

– Другу кузнеца стыдно пользоваться таким ножом, – се-

рьезно произнес Джори, но глаза его улыбались, – ты меня как мастера позоришь. Давай я тебе сделаю новый!

– Отличный нож! – набычился Айк. – Он мне нравится, и другой мне не нужен! И ты меня не заставишь!

Джори тихо рассмеялся, и его спокойно-дружелюбное лицо вдруг преобразилось, стало счастливым, сияющим.

Разговор этот повторялся не впервые и всегда заканчивался одинаково. Пусть Джори был только подмастерьем, когда подарил ему этот нож, Айк считал, что тот очень даже неплох и дорожил им по многим причинам.

Отсмеявшись, Джори достал из потертой поясной сумки бледно-желтый осколок и протянул Айку.

– Что это? – удивился тот.

– Пласт. Слышал о таком?

– А-а-а! – Айк покрутил осколок в пальцах. Легкий, тонкий, он слегка пружинил на сгибе. – Дирхель рассказывал, они в ходу в других городах. Только у нас обмен, дикость какая.

– Ну не только у нас, я думаю, – улыбнулся Джори, – хотя ты прав, Вьен несколько, как бы сказать...

– Отсталый, – подсказал Айк.

– Консервативный! – вывернулся Джори и они засмеялись. – Но я слышал, магистрат скоро разрешит использовать пласт. Последние годы торговля с другими городами расширяется, без этого уже не обойтись.

– А как же «ой, все из-за Исхода, не касайся того, что бы-

ло до Исхода»? – Действующий во Вьене запрет на использование любых вещей и материалов, оставшихся от погибшей цивилизации, всегда раздражал Айку своей очевидной нелепостью.

Джори усмехнулся.

– Жизнь не стоит на месте. Гренадзе это понимает.

При упоминании главы магистрата в Айке всколыхнулась досада, но он решил не портить день разговором об этом.

– Кстати, я видел похожие штуки! – Он протянул Джори осколок пласта. – Только другого цвета. В лесу есть место, где их полно. Валяются прямо на земле, а если покопать, так и еще больше найдется, почти наверняка.

– О, тогда ты разбогатеешь! – засмеялся Джори.

– Я и так богатый, – усмехнулся Айк и толкнул его плечом.

Джори тут же ответил; с полминуты они весело пихались, пытаясь свалить друг дружку. Айк поддался первым и со смехом растянулся во весь рост на сухой траве.

– Кое-что странное случилось сегодня. – Он рассказал о Хорасе Гендерсоне и его предложении.

Джори не прерывал его, но слушал с величайшим вниманием.

– Он предложил тебе прийти в Ройн? – спросил, дослушав до конца.

Айк кивнул, заложил руки за голову и с наслаждением потянулся. Солнце припекало, но после зимы хотелось впитывать этот жар всем телом.

– Ну да. Это же ближайший к нам портовый город.

– Все пути ведут к морю... – пробормотал Джори словно бы про себя.

Айк шевельнулся беспокойно. Он думал, что все забыл, что прошлое похоронено и оплакано. Но от слов Джори прежние чувства вспыхнули и захватили его, как будто ждали подходящего момента для пробуждения.

Боль. Вина. Надежда. Отчаяние.

– Вряд ли я когда-нибудь доберусь до моря. Больше мне туда хода нет.

– Все еще может измениться, – промолвил Джори после недолгого молчания, – жизнь длинна. Всемогуший Отец знает, к чему лежит твое сердце...

– И слушать не буду! – перебил его Айк и вскочил на ноги. – Всю эту чушь, про злую судьбу и как ее одолеть! Я хотел избежать своей судьбы больше всего на свете – и что вышло? Ты чуть не погиб, Эйвор заболел и едва не умер! И мне все равно пришлось стать Свершителем! Смотри!

Айк рывком закатал рукав и протянул правую руку к Джори. На запястье синела татуировка в виде браслета – блаз, неизгладимое клеймо Свершителей.

Джори поднялся, взял руку Айка в свои и несколько секунд разглядывал татуировку.

– Я не знал. – В голосе его сквозила острая боль, которую испытываешь, когда ничем не помочь и ничего не исправить. – Когда это случилось?

– В начале весны, – вздохнул Айк, – не хотел тебе говорить... знал, что расстроишься.

– Расстроюсь? – Лицо Джори дернулось, точно его ударили. – Айк, это же не я, а ты стал Свершителем! О чем ты вообще?

– Ну разочаруешься, – поправился Айк, – ты верил, что я могу освободиться, но я... так и не смог.

Ему вдруг стало трудно дышать, словно события последних трех лет навалились на грудь непосильным бременем.

Пальцы Джори сжали его запястья – удивительно мягко для рук, привыкших к тяжести кузнечного молота. Айку часто казалось, это пожатие – единственное, что удерживает его от падения в бездну отчаяния.

– Айк, ты можешь удивить меня. Развеселить. Или утешить. Но никогда – слышишь? – никогда не разочаруешь. Понимаешь?

Айк кивнул, низко опустив голову.

– Каждый из нас делает все возможное с тем, что дает ему Всемогуший, – с глубокой убежденностью проговорил Джори, – остальное не в нашей власти. И ты не виноват в случившемся. Я говорил тебе об этом много раз и буду повторять, пока ты не поверишь.

Айк снова кивнул. Он все еще не мог произнести ни слова. Беззаветная и упрямая вера Джори частенько раздражала отсутствием связи с реальностью, но он был готов на все, лишь бы не потерять ее.

Джори ободряюще похлопал его по плечу.

– Давно хочу показать тебе одно место. Вроде бы просто ветви сплелись, но красота невероятная! Магистрат мне ворота заказал, думаю выковать что-то похожее. Пойдем!

Из леса Айк вернулся вечером – на тесных улочках Вьена уже совсем стемнело. Идти в дом не хотелось, и он решил прогуляться по «саду». Тот был его убежищем, в густом переплетении ветвей Айк чувствовал себя уютно и спокойно. Вонь здесь почти не ощущалась, сухая трава тихо шуршала под ногами. Где-то вверху чиликнула птица, устраиваясь на ночлег. Высоко над темными ветвями сверкнули серебряные перчинки звезд.

Айк прислонился спиной к дереву. Вот так, совсем как в лесу... прекрасное время, когда уже тепло, но еще не вылезли комары – вечное проклятие человечества, – не позволявшие ни минуты постоять или посидеть спокойно. Можно закрыть глаза и раствориться в поскрипывании веток, в дуновении ветерка, в запахе растущей травы и первых нежных листьев. Забыть обо всем и лететь, лететь...

Грубый смех прервал его грезы. В просвете между стволами мелькнул свет факелов.

Айк мгновенно подобрался и скользнул за дерево. По улице мимо их дома шла веселая компания. Пьяная, конечно, трезвыми они бы сюда не сунулись. Недаром дома выходили на эту улицу глухими задними стенами – кто захочет смот-

реть из окна на жилище Свершителя?

Ватага поравнялась с домом, и развязный молодой голос крикнул:

– Эй, висельники! Эй! Выходите, поболтаем! Что, труси-ли?

Айк стиснул зубы и бессознательно впился ногтями в кору дерева. Остальные парни забубнили, видимо, урезонивая товарища.

– А пошли они к Темному! – выкрикнул буян. – Пусть попробуют! Я имел их мать двадцать раз!

Раздался свист камня, а затем серебристый звон разбитого стекла.

Айк бросился вперед и в мгновение ока очутился возле полуразвалившейся ограды. Его колотило от злости, еще секунда – и непрошеным гостям бы не поздоровилось.

Но они оказались умнее – а может, были не так уж и пьяны. Грубые сапоги затопали по булыжнику, и свет факелов пропал за углом. Ветер снова донес хохот и бессвязные выкрики.

– Отребье! – с отвращением произнес Айк и распрямился одним гибким движением.

Окно на втором этаже открылось.

– Айк? – спокойно позвал Эдвард – подобные выходки были ему не в новинку.

– Я здесь. Много разбилось?

– Пара ячеек, завтра заменю. А ты чего на улице? Поздно

уже.

– Сейчас приду.

«Интересно, он слышал, как выругался тот ублюдок?» – подумал Айк. По отцу никогда не поймешь, что он чувствует на самом деле.

– Сейчас ужинать будем.

– Угу.

Айк глубоко вздохнул. Положил скрещенные руки на ограду и оперся на них подбородком, подавляя навязчивое желание грызть пальцы. Ночь дышала в лицо теплым ветром. Он пытался вернуть ощущение покоя и мира, владевшее им несколько минут назад, но тревога, раздражение и злость спешно занимали в душе привычные места.

«Нет, Джори, это моя вина, сколько бы ты ни убеждал меня в обратном. Ведь от той болезни Эйв так и не оправился... не заberi я его из дома посреди зимы – ничего бы не случилось».

«Ты просто хотел уберечь его, – прошептал внутренний голос, – если бы ты ушел один – отец сделал бы Эйвора Свершителем. Он такой хрупкий, и он младше! Ты обязан был его защитить».

Зачем только Джори упомянул о море! Зачем всколыхнул тяжкие, унижительные воспоминания?!

Айк чуть слышно застонал сквозь стиснутые зубы.

Но нет, то, что с ним случилось, справедливо! Он поставил свои интересы выше семьи и теперь расплачивается. Ма-

ма, умирая, велела заботиться об Эйворе и сестрах – он и это обещание собирался нарушить.

Все правильно. Он виноват.

Но неужели он так никогда и не увидит море? Не вдохнет соленый ветер, не услышит, как хлопают над головой паруса? Не отправится к дальним странам, как мечталось когда-то?

Что ж, вот так и придется провести всю жизнь – в одиночестве, отвергнутым всеми? Даже с Джори он вынужден видаться тайком – ведь если в городе узнают об их дружбе, всей семье Холландов грозит изгнание.

«Не заговаривай со Свершителем, не прикасайся к Свершителю – или будешь навеки проклят! Все Свершители – нелюди, они выполняют кровавую работу, мучают людей, клеймят и наказывают плетью... и иногда казнят».

Айк тряхнул головой и подтянул кожаный шнур, стягивавший волосы. Надо прекращать об этом думать. Он точно собака, что лижет и лижет больное место, пока оно не вспухнет и не воспалится еще сильнее. Что-то было такое, насчет клеймения... ах да!

Он вошел в дом и тщательно запер дверь, словно пытаясь отгородиться ею от тяжелых мыслей. Снял сапоги и прошел в маленькую кухню.

Отец, в простой домашней рубашке и штанах, стоял у плиты. В воздухе висел густой, сытный запах вареной картошки, дыма и влажного дерева. Поскольку ни одна служанка не согласилась бы прийти к ним, готовкой и уборкой приходилось

заниматься самостоятельно. Раньше это Айка не напрягало – к тяжелому повседневному труду он был привычен с детства и, когда отец забрал его в город, вздохнул с облегчением. Никаких утренних и вечерних доек, никакой готовки на ораву детей и животных, прополки, чистки хлева и прочего.

Но в последние годы даже самые простые домашние дела начали раздражать. Они были бессмысленными по сути своей. Сегодня убрался, завтра снова грязно. Помыл посуду – и дня не проходит, как надо опять мыть.

Айк присел на табурет у окна, налил молока себе и отцу.

– Как прошло? – спросил Эдвард, не оборачиваясь.

– Нормально. Отец... что означает клеймо в виде буквы «Р»?

Эдвард удивленно посмотрел на сына.

– В приморских городах так клеймили пиратов, «береговое братство». Где ты видел такое клеймо?

– Да вот у него. – Айк достал из-за пазухи смятую бумагу и разгладил на столе. Эдвард наклонился ниже, чтобы прочесть. Коса соскользнула с плеча и упала ему на руку, он нетерпеливо отбросил ее.

– Хорас Гендерсон... не припомню такого имени. Вряд ли, конечно, оно настоящее. Ты заклеймил его?

– Да. Но... – Айк замялся – сознаваться или нет? Но все же решился. – Я поставил клеймо поверх того, которое у него уже было, этого «Р». Не стоило?

К удивлению Айка, отец равнодушно пожал плечами и

снял картошку с плиты.

– Выкинь из головы. Парню повезло, да и ладно.

– Повезло?

– Если бы его поймали снова и увидели два клейма, он попрощался бы с головой.

Айк разгладил приказ.

– А почему клеймение, не понимаю? Он чужак, украл впервые... почему не порка?

– Как раз из-за старого клейма, – Эдвард поставил перед сыном миску и устроился напротив, – а вообще клеймение довольно бестолковая штука.

– В каком смысле?

– В самом прямом. Сама-то идея неплоха – ловят человека, скажем, на воровстве, а у него клеймо вора. Значит, наказание должно быть более суровым. Но в каждом городе ставят свое клеймо. И если человек попадает в другом месте, – Эдвард постучал черенком ложки по разложенной на столе бумаге, – никто не может понять, что означает вся эта белиберда.

– И что тогда?

– Да ничего. Назначают наказание с учетом возможно совершенных преступлений, – произнес Эдвард с нескрываемой иронией.

– Но, получается, мы напрасно мучаем людей?

– Ну да. – Эдвард невозмутимо отправил в рот кусок картошки и запил молоком.

Но Айк есть не мог, у него комок стоял в горле.

– И ты так спокойно говоришь об этом?! – запальчиво произнес он. – Надо что-то делать!

– Например?

– Ну... для начала составить список, в каком городе какие знаки используются!

– Так, – с одобрительным любопытством произнес Эдвард, продолжая жевать, – ну а дальше?

– Дальше... наверное, убедить магистраты принять общую систему знаков, чтобы они везде означали одно и то же.

– Неплохо. Позволь только уточнить один момент.

– Какой?

– Как это сделать? Но не в теории, а практически, в жизни. Как?

Айк встряхнул головой и непонимающе уставился на отца.

– Ну... связаться с другими Свершителями... написать им.

– Дивно! И кто же отвезет эти письма?

– Вот это полная нелепость! – сердито заметил Айк. – Я читал, что до Исхода работала специальная служба, которая доставляла письма и даже разные вещи! Отчего ее не возродили?

– Полагаю, людей осталось не так много, чтобы была нужна такая служба. Может, когда-нибудь и возродят, – Эдвард допил молоко и встал, – но пока мы не можем отправить ни-

какого письма. Ни один человек не согласится иметь с нами дела.

– А...

– А сами мы уехать тоже не можем. Такое путешествие – дело долгое и опасное. И у нас есть работа здесь.

Тут Айк не нашел, что сказать. Но сдаваться так просто было не в его характере.

– Ты ведь не запретишь мне заняться этим? – спросил он. – Хотя бы попытаться найти выход.

– Запретить? Я? Упаси Всемогуший! – пожал плечами Эдвард. – Кто я такой, чтобы запрещать кому-то пытаться сделать наш мир лучше?

В последних словах прозвучала такая откровенная издевка, что Айка передернуло.

– Ты же знаешь правила, – произнес Эдвард уже обычным, спокойным тоном, – сделал работу – и распоряжайся своим временем, как хочешь. А теперь позволь, я тоже распоряжусь своим так, как хочу.

Он вышел и поднялся по лестнице на второй этаж. Айк посидел еще немного, в задумчивости кусая палец и глядя на злополучный приказ невидящим взглядом. Потом решительно поднялся, сгреб бумагу и взбежал вверх по лестнице. Прошел мимо мастерской – Эдвард уже снова увлеченно возился с горелкой – и вошел в свою комнату.

Комната – это, конечно, громко сказано, на самом деле это был чулан, который Айк приспособил для своих нужд.

Эдвард держал здесь инструменты и всякий хлам – на стенах висели какие-то древние мечи, плеть и длинный хлыст, в углу мрачным силуэтом застыло тренировочное чучело из соломы. Не слишком приятное соседство, но Айк впервые жил в собственной комнате и не обращал внимания на такие мелочи.

Он зажег свечи, небрежно бросил приказ на стопку бумаг. Уселся, быстро и ловко очинил перо своим заветным ножом. Расстелил чистый лист бумаги и задумался.

Быть может, отец и прав? Какое ему дело до всего этого? Разве он добровольно принял это ремесло? Нет, он был вынужден. По сути, он такая же жертва, как и те, кого наказывает. Как и отец. Разве не так?

Айк упрямо сжал губы.

– Не хочу быть жертвой, – негромко, но твердо произнес он и, обмакнув перо в чернила, аккуратно вывел первую строку:

«Р» – означает принадлежность человека к так называемому «береговому братству», береговым пиратам...»

Улюлюканье и свист толпы били по ушам, а голова у Айка и без того раскалывалась от боли. Хотелось заткнуть пальцами уши и плевать, что там кто подумает.

Первый месяц лета выдался холодным, и после небывалой весенней жары обвально пошли дожди.

Дождь шел и сейчас – мелкий, нудный, словно весна без всякого лета просто перешла в осень. Аик сидел на краю телеги, закутавшись в плащ, кусал палец и наблюдал, как отец наказывает плетью очередного бедолагу. Тот стойчески молчал, стиснув зубы. Второй приговоренный судорожно всхлипывал за спиной Айка. Видать, сильно жалел, что пытался облегчить карманы добрых горожан. Или что попался – это было более вероятно.

Несмотря на мерзкую погоду, народу собралось прилично, никто и не думал уходить. Кто же уйдет в самом начале потехи?

Внезапно шум толпы изменился. Аик легко замечал такие вещи, как прежде улавливал малейший подозрительный звук в ровном гуле леса. Он поднял голову и увидел, что отец стоит неподвижно и левой рукой крепко сжимает запястье правой. Плечи его поникли и слегка дрожали.

В горле у Айка пересохло. Он не помнил, чтобы отец хоть раз прервал наказание на середине. Что с ним такое?

Он уже хотел броситься на помощь, но Эдвард выпрямился, и плеть снова со свистом рассекла воздух. Толпа вздохнула разом, как один человек, и загомонила успокоенно.

Когда все закончилось, Айк помог отцу отвязать безвольно обмякшее тело от серой каменной арки, предназначенной для наказаний. Толпа заключила арку и пространство возле нее в широкое кольцо.

В этом незримом круге имели право находиться только огласитель приговоров, Свершители и приговоренные. Впрочем, ни один здравомыслящий человек и близко не подошел бы к зловещей арке. Честные горожане предпочитали наблюдать с безопасного расстояния и делать ставки на то, останется ли приговоренный в сознании, будет кричать или терпеть молча и прочее в том же духе.

Айку это казалось отвратительным. Не верилось, что люди могут быть такими бессердечными. Каждый из них мог завтра оказаться на месте этих несчастных, но они явно не думали об этом и не испытывали к ним ни капли сочувствия.

Айк, существо, с точки зрения «обычных» людей, проклятое и лишенное души, сострадал приговоренным гораздо больше. Он уже знал, что люди, побывавшие в руках Свершителей, тоже считаются запятнанными. Если магистрат и не осуждает их на изгнание, зачастую это делают их собственные семьи, обрекая несчастных на верную гибель. Поэтому даже те, кто нарушил закон по глупости или молодости, почти не имели шансов вернуться к нормальной жизни.

В лучшем случае они уходили, и никто больше о них ничего не слышал. В худшем – озлоблялись и окончательно становились на скользкую дорожку, быстро приводившую их обратно к арке.

Эдвард помог сыну закрепить в зажимах руки второго приговоренного, а сам присел на телегу отдохнуть.

Толпа плотоядно зашумела. Огласитель приговоров сделал шаг вперед и скучным голосом завел обычную песню:

– Именем Верховного магистрата города Вьена находящийся здесь...

Айк пропускал его слова мимо ушей. Он помнил, сколько и кому причитается ударов – Эдвард заставлял его заучивать приказы наизусть. Если наказывали сразу нескольких преступников, болван огласитель частенько путал приказы. Десять ударов или двадцать – ему было наплевать, но для приговоренного это могло означать жизнь или смерть.

«Человек должен получить ровно то наказание, которое ему присудили, не больше и не меньше, – часто говаривал Эдвард, – мы обязаны приносить боль, но не продлевать ее свыше необходимого».

Вот и сейчас Айк краем глаза видел, как отец повернулся к лежавшему в телеге человеку и начал обрабатывать повреждения, которые сам нанес. Он промывал их слабым раствором эсприта, а затем накладывал заживляющую мазь.

Айк невольно залюбовался его быстрыми, скупыми движениями и чуть не прозевал момент, когда огласитель закон-

чил бубнить и вопросительно на него уставился. Поспешно шагнул к трясущемуся, бормочущему молитвы человеку.

Впрочем, так уж бояться ему не стоило. Айк не мог заставить себя бить осужденного так, чтобы нанести серьезные раны. И не только из сострадания – он искренне считал жестокое бичевание совершенно лишним. Наказание должно научить человека, что он совершил дурной поступок, но не разрушать его жизнь и здоровье.

Однако у магистрата и его главы, Жака Гренадье, было другое мнение на этот счет.

Стоя перед привязанным человеком с плетью в руке, Айк глубоко вдохнул и медленно выдохнул. Волевым усилием отодвинул в сторону мысли и чувства. Стоя на многолюдной площади, в окружении гомонящей толпы, он как бы оставался с приговоренным один на один – так учил отец.

«Помни, в твоих руках жизнь человека, – говорил он, – ты не имеешь права на ошибку. Нужно забыть обо всем, отрешиться от реальности. В толпе всегда найдется тот, кто захочет сбить тебя с толку, разозлить – им это нравится. Ты не должен слушать. Вокруг тебя никого нет. Есть лишь ты и тот, кого тебе предстоит наказать».

Айк стоял спокойно, расслабленно, чуть прикрыв глаза, и представлял, что шум толпы – это шелест листьев на ветру. Привычный с детства, такой мирный звук. И в тот момент, когда иллюзия стала полной, замахнулся и нанес первый удар.

Впервые он наказал человека плетью в двенадцать лет.

Эдварда избили и сломали ему руку – Айку пришлось занять его место.

Выросший в тишине леса, он очутился посреди шумной толпы, под взглядами сотен людей. Был до смерти напуган и так плохо соображал, что впоследствии не раз удивлялся, как ему вообще удалось что-то сделать.

Он помнил свист плети и дикий вой приговоренного, когда на его спине вздулся алый след от первого удара. Аик в ужасе подумал, что ударил слишком сильно – а на самом деле стоявший у арки воришка просто решил поглумиться над молоденьким Свершителем. Его спину сплошь покрывали следы предыдущих бичеваний, но Аик в смятении не обратил на это внимания.

Он нанес положенные двадцать ударов, а потом упал на колени, и его стошнило. Зрители хохотали, выкрикивали насмешки, а он, ослабевший, парализованный ужасом и отчаянием, не мог подняться и, скорчившись на жестком камне, страстно желал исчезнуть, умереть прямо сейчас, сию минуту...

Воспоминание заставило Айку поморщиться – как будто легкая рябь пробежала по спокойной глади воды. Но он тут же взял себя в руки. Никто, ни один человек не должен знать, что он чувствует, когда плеть поднимается и опускается. И главное, его чувства не должны влиять на силу и точность

ударов.

Он бил, тщательно выбирая место для следующего удара, замахиваясь и посылая плетью вперед плавным, мягким движением руки от плеча до пальцев.

Приговоренный не издавал ни звука, лишь мускулы конвульсивно подергивались при каждом обжигающем касании плети. Айку это нравилось. Не сам процесс наказания, конечно – его восхищала смелость этого человека. Своей выдержкой он оказывал большую услугу как себе, так и Свершителю. Когда приговоренный бился и орал, это сильно мешало Айку, он мог нанести удар совсем не в то место, в которое метил.

Другими словами тот, кто дергался, получал больше повреждений, чем тот, кто держался и терпел. В этом была какая-то высшая справедливость – мужество и стойкость всегда вознаграждались.

Наконец плетью в последний раз опустилась на исполосованную спину приговоренного, и тот сразу расслабился, повиснув на арке. Значит, тоже считал, подумал Айк, открывая зажимы. Подхватил пошатнувшегося человека под мышки как можно осторожнее, чтобы не коснуться спины.

Толпа разочарованно гудела – бичевание без крови, скупка смертная! До Айка долетали обрывки разговоров о том, что молодой Свершитель слишком снисходителен. По какому праву он лишает их развлечения?

Айк стиснул зубы, бережно подвел наказанного к телеге.

Помог ему лечь на солому, рядом со слабо стонавшим товарищем по несчастью.

– Ничего, все уже закончилось! – не удержавшись, произнес он и достал из котомки чистый лоскут ткани и мазь. Отец настаивал на том, чтобы для каждого человека брать новый кусок ткани, пусть это и казалось расточительством.

Айк смочил лоскут эспритом, предупредил:

– Будет жечь! – и начал осторожно промакивать вздувшиеся рубцы.

Человек со свистом втянул воздух сквозь стиснутые зубы и прохрипел:

– Выродки... как будто мало плети! Кто дал вам право издеваться?

Рука Айка дрогнула, но он овладел собой и спокойно произнес:

– Это чтобы не было воспаления. Жжение скоро пройдет, терпи.

– Терпи... ну да, разумеется, – пробормотал человек и с глухим стоном ткнулся головой в солому.

Айк печально вздохнул и аккуратно смазал рубцы мазью. Наказанный больше не шевелился и явно расслабился. Мазь не только ускоряла заживление, но и смягчала боль – к счастью, магистрат об этом не знал.

Закончив, Айк поспешно взял лошадь под уздцы и повел ее прочь с площади. Колеса гремели по булыжнику. Перед ними расступались – толпа начала рассеиваться.

Эдвард шел с другой стороны от лошади обычным размеренным шагом, глядя перед собой в одну точку. Мокрый капюшон плаща облепил суровое, смуглое лицо с высокими скулами. Руки он прятал под плащом, и Айк вспомнил, как отец остановился во время наказания.

Что же с ним случилось?

К задней стене их дома примыкал длинный сарай, в нем отлеживались те бедолаги, которые не могли сразу уйти. По закону обязанности Свершителя заканчивались в тот момент, когда последний удар опускался на спину приговоренного, но Эдвард придерживался своей точки зрения.

По мере того, как количество взглядов, направленных на Айка, уменьшалось, ему становилось легче. Слава Всемогущему, все закончилось! Обычно они проводили Свершения в базарные дни – чем больше народу их видело, тем лучше, считали в магистрате. Но если в тюрьме не хватало места, случалось браться за плетль и чаще.

Эдвард повел в сарай первого наказанного – тот был уже немолод и от слабости едва держался на ногах. Второй сам выбрался из телеги и стоял рядом, переминаясь с ноги на ногу.

– Я пойду? – спросил он, опасливо глядя на Айка.

– Да, если можешь, – спокойно ответил тот. Распряг лошадь и повел со двора – в конюшню магистрата.

Человек, судя по звукам, неуверенно двинулся следом. Айк покосился на него. Он не любил, когда кто-то шел у него

за спиной.

– Ну что еще? – Он хотел произнести это ровно, как отец, но получилось резко и грубо. – Сильно болит? Подойди к отцу, пока есть возможность...

– Не, не болит. – Человек помялся, потом быстрым шагом догнал Айка и преградил ему дорогу, вынудив остановиться. – В том-то и дело, что не болит. Я... это из-за того, чем ты мазал?

– Да, – сухо произнес Аик, – постарайся не мочить пару дней, и все пройдет.

– Ага... то есть... я хотел сказать... того... спасибо! – неожиданно выпалил человек, стискивая руки.

Аик в удивлении поднял глаза и впервые по-настоящему посмотрел на своего визави. Он был невысоким, темноволосым, с печальными серыми глазами.

– Не за что, – медленно произнес Аик, – постарайся больше не красть... – и неожиданно добавил: – Во всяком случае, не попадаться!

Углы рта человека дрогнули в слабой улыбке.

– Теперь уже без разницы. – Какое-то отрешенное спокойствие прозвучало в его голосе. Спокойствие обреченного. – А жаль.

– Да, жаль, – согласился Аик и мягко потянул лошадь за повод, – давай, девочка, шевели ногами. Овес тебя ждет.

Дождь почти прекратился, в разрывах облаков робко го-

лубело небо. Плащ промок насквозь, и Айк, вернувшись, первым делом повесил его сохнуть у плиты. Жарко натопленная, она распространяла ровное, мягкое тепло.

Айк присел у стола и начал жадно откусывать от большого куска хлеба, запивая молоком. Перед Свершениями он никогда не ел, и сейчас голод давал о себе знать.

– Поднимись сюда! – крикнул сверху Эдвард.

Айк поморщился, но затолкал в рот остаток хлеба и поспешил на зов.

Отец был в мастерской – он успел переодеться и распуштить влажные волосы и выглядел очень по-домашнему. Дома, в лесу, отец не носил косу и не одевался в черное, словно стремился забыть о том, что происходило в городе.

Айк теперь поступал так же.

– Сегодня ты превзошел самого себя, – произнес Эдвард, не скрывая досады, – может, стоило отпустить этого парня, просто погрозив ему пальцем в назидание?

– О чем ты? – Айк старательно изобразил удивление.

– Там был один из членов магистрата. И, разумеется, он обо всем доложит Гренадье.

– Ну и пусть докладывает. Все было по закону.

– По закону – да. Но не по правилам. – Эдвард устало опустился на стул. Левой рукой он поддерживал правую, сломанную три года назад. – Айк, это уже не в первый раз. Я тебя предупреждал, ты бьешь слишком слабо. Магистрат недоволен.

В душе Айка вспыхнуло привычное раздражение.

– Я не буду избивать в кровь человека, который украл, просто потому что был голоден!

– Позволь спросить, чья шкура тебе дороже – преступников или твоя собственная? Твоего брата? Сестер? Ты подставляешь их под удар...

– Никого я не подставляю! – окончательно разозлился Аик. – Я все сделал правильно! Если магистрат это не устраивает, пусть сами берутся за плеть!

Глаза отца сверкнули, и Аик с трудом поборол желание зажмуриться в ожидании удара. Но Эдвард овладел собой – лишь на скулах от ярости проступили желваки.

– Ты понимаешь, что твой протест ничего не изменит? – холодно произнес он. – Ты ничем не поможешь этим людям, а вот нам нанесешь вред и немалый. Не мы определяем меру наказания, когда ты это усвоишь? Мы только исполнители и имеем право карать, но не миловать!

– Можно подумать, ты никогда не придержишь руку, наказывая! – парировал Аик, холодея от собственной наглости.

Эдвард вскинул брови, но удивление было явно деланным – скорее, гнев, замаскированный под удивление.

– Вот именно! И зря, поскольку тоже много раз получал нарекания от магистрата. Если еще и ты пойдешь по этой дорожке, нас обоих выкинут отсюда. И нам останется только сдохнуть с голоду!

Айк упрямо молчал, глядя в сторону. Эдвард отвернулся и начал растапливать камин.

– Сходи домой, проверь, все ли в порядке. И повзрослей уже наконец.

Айк развернулся и вышел из мастерской. С грохотом спустился по лестнице, сдернул с веревки, натянутой над плитой, еще влажный плащ и хлопнул дверью так, что весь дом содрогнулся.

Как он хотел все бросить!

Он чувствовал себя животным, запертым в слишком тесной клетке. Это далеко не новое для него ощущение с годами только усиливалось. Был лишь один способ хоть немного смягчить его.

Ветер, не по-летнему холодный, заставлял ежиться. Редкие горожане шли, уныло глядя под ноги, втянув головы в плечи, а руки в рукава одежды, словно зимой. Все казалось одинаково серым – небо, дома, булыжник под ногами.

У городских ворот никого, даже охрана спряталась в свою будку. Айк вышел в поле и с облегчением устремил взгляд к высокой стене леса. Ветер сгибал ветви деревьев, заставляя листья повернуться серебристой изнанкой вверх, и лес приобрел непривычный зеленовато-стальной оттенок. Быстрая рябь пробегала по листве, точно по поверхности воды. Это было очень красиво.

Море, наверное, похоже на лес, подумал Айк, пересекая поле – и снова сердце пронзила острая тоска по морю, кото-

рого он никогда не видел.

Истрепанные ветром серо-свинцовые тучи с огромной скоростью неслись по пасмурному небу. Самые низкие и темные клочья угрожали дождем, но он по какому-то капризу природы все не начинался.

Айк постоял немного, любуясь буйством стихии, потом надвинул поглубже капюшон плаща и вошел в лес.

Здесь тоже было беспокойно. Деревья скрипели и стонали, кроны бешено раскачивались под порывами ветра.

Мох пропитался водой, под сапогами хлюпало. Айк привычно пробирался сквозь непролазную с виду чащу, перепрыгивал через ямы, преодолевал овраги и завалы. Обычно здесь было полно комаров, но сегодня ветер и холод загнали летучую дрянь глубоко в траву.

Деревья росли густо, и в лесу даже днем царил угрюмый полумрак. Ржавые туши мобов казались притаившимися в кустах, навсегда окаменевшими животными.

Джори был прав – Вьен более чем консервативный город. И горожане, и жители окрестных деревень до смерти боялись всего, связанного с Исходом и временами до него. Страх этот не имел под собой никаких реальных оснований и был непонятен Айку – ведь эпидемия сошла на нет более трехсот лет назад. Семья Райни использовала в быту многие вещи, которые Дирхель приносил им из заброшенных Хранилищ, оставшихся после Исхода. От него Айк знал, что в

других городах люди поступают так же.

Похоже, один лишь Вьен трясся от страха перед призраком давно минувшей катастрофы.

Несколько ледяных капель, промочив капюшон, коснулись головы Айка. Он вздрогнул и слегка убавил шаг. Ветер поутих, и это воспринималось как облегчение – можно было поднять голову и осмотреться.

Айк всегда ходил быстро и сейчас даже не заметил, как отмахал половину пути. Правда, слишком сильно забрал вправо, к деревне, но все равно до дома отсюда рукой подать.

Вдруг что-то словно подтолкнуло его изнутри, и задумчивость тут же исчезла без следа. В лесу он всегда был настороже, эта привычка появилась в раннем детстве, и с годами недремлющий страж совершенствовал свое искусство. Айк мог спокойно погрузиться в свои мысли, зная, что страж этот бдит и при малейшем подозрительном звуке или запахе подаст сигнал тревоги. Иногда, пробудившись от грезы, он не сразу мог понять причину беспокойства – настолько разум неповоротливее того, что Эдвард называл «древним мозгом».

Но сейчас Айк понял, в чем дело – что-то странное отголоском коснулось его слуха. Звук не принадлежал лесу и мог указывать на опасность.

Айк замер, откинув капюшон на плечи и затаив дыхание. Ничего. Неужели почудилось? Да нет, он не мог ошибиться. Просто ветер подул в другую сторону.

Вот опять!

Звук повторился, и на этот раз Айк уловил направление. Заткнул полы плаща за пояс, чтобы не мешали, и быстро, легко побежал навстречу звуку. Шум леса заглушал шаги. Время от времени он прислушивался и убеждался, что идет правильно. Но только очутившись близко от источника звука, наконец узнал его.

Это был плач.

Сдерживая рвущееся из груди дыхание, Айк преодолел последние метры, привстал на цыпочки и взглянул поверх кустов.

Среди зарослей черники, обхватив руками колени и уткнувшись в них головой, сидела девушка в темном платье. Распущенные светлые волосы закрывали лицо, плечи вздрагивали от рыданий.

Сердце Айка екнуло, кровь жаркой волной прилила к щекам.

Что делать? Уйти и оставить незнакомку наедине с ее горем или вмешаться? Ему не доводилось утешать плачущих женщин, непонятно, как и подступиться к такому делу.

Наверное, все же не стоит. Вряд ли он сможет ей помочь и, кроме того, она с визгом бросится прочь, когда его узнает.

Эта мысль неожиданно больно уколола Айка. Он, как-никак, не урод – ладный и крепкий малый. Не красавец, но и не страшилище, при виде которого нужно бежать без оглядки.

Как глупо, что он не может просто подойти к девушке и,

скажем, предложить ей свой плащ! Ведь она в одном платье, а погода холодная...

В замешательстве Айк сделал шаг назад, поскользнулся и чуть не рухнул навзничь. В последний миг ухватился за кусты и удержался на ногах.

– Кто здесь?

Айк замер в дурацкой растопыренной позе. Менее всего хотелось выходить сейчас – тогда уж точно не избежать сцены с визгом и бегством.

С другой стороны, продолжать сидеть в кустах было верхом нелепости. Девушка могла подумать, что он испугался или еще хуже, подглядывал за ней. Только этого не доставало!

– Не бойся! – быстро произнес он. С глубоким вздохом раздвинул кусты и шагнул вперед. – Я не хотел тебя потревожить, я...

– Айки?

Он удивленно вскинул глаза.

Перед ним стояла молодая девушка, высокая, худая и нескладная. Широкоскулое личико заплакано, черты резкие, острые – ни одной округлой линии. Синие глаза дерзко блестя из-под челки, левый глаз наполовину синий, наполовину карий.

И странные глаза, и взгляд с легким прищуром были хорошо знакомы Айку. И все же казалось, что он видит это лицо, слишком своеобразное, чтобы назвать его красивым,

впервые.

— Крис? — недоверчиво произнес он, и вдруг у него вырвалось: — Вот здорово!

Впалые щеки девушки слегка порозовели. Не такая белокожая, как ее старший брат Джори, она уже успела загореть под весенним солнцем. От этого веснушки, покрывавшие лицо, шею и даже грудь в разлете ключиц, выглядели темнее.

— Все-таки узнал? — Голос Крис был хриплым от слез, но говорила она, как прежде — насмешливо, слегка растягивая слова.

— Как я мог тебя не узнать? — воскликнул Айк. — Мы же друзья!

Крис вздохнула.

— Да уж, друзья — столько лет не виделись! Но Джори часто говорит о тебе, — она отвела взгляд, — так что я знаю... обо всем.

Резкий порыв ветра растрепал волосы Крис, она поежилась от холода. Айк скинул плащ и поспешно набросил ей на плечи.

— Как ты здесь очутилась в одном... ну, то есть, без плаща? И почему плакала?

— Я? Плакала? — удивилась Крис. — Вовсе нет!

— Но... я же видел... — неуверенно произнес Айк и осекся под ее ледяным взглядом.

— Тебе показалось, — отчеканила она, глядя ему в глаза, —

я просто закашлялась, вот слезы и выступили. И все.

– Х-хорошо, – пробормотал Айк и потупился. Он не знал, что и думать, – хочешь, я... э-э-э... провожу тебя до деревни?

– Ну уж нет! – с неожиданной горячностью возразила Крис. – Давай лучше пройдемся... как в старые добрые времена, а?

Айк молча кивнул. Неловкость сгладилась, осталось лишь знакомое странное смятение, которое всегда охватывало его в обществе Крис.

Она улыбнулась знакомой улыбкой – задумчиво и словно бы оценивающе. Потом повернулась и резким движением забросила в кусты черники что-то маленькое, сплетенное из разноцветных ниток. Протянула руку Айку – он взял ее, чувствуя, как кровь приливает к глазам и к сердцу. Он еще никогда не держал Крис за руку, хотя много раз втайне мечтал об этом.

И они пошли рядом.

Впрочем, идиллия почти сразу нарушилась. Идти по лесу плечом к плечу неудобно, и им пришлось расцепить руки. Но Айка это не сильно огорчило. Казалось, никогда еще они с Крис не были так близко друг от друга. Ссора с отцом, мрачные мысли – все рассеялось и исчезло, как дым.

Они шли наугад, не выбирая направления, стараясь держаться более светлых и просторных участков леса. Ветер по-

прежнему бушевал в кронах деревьев, роняя с листьев холодные капли. Казалось невероятным, что на дворе стоит первый месяц лета.

Крис, похоже, забыла о причине своего огорчения, а Айку было неловко снова расспрашивать. Вместо этого они стали вспоминать детство, то и дело перебивая друг друга и спрашивая: «А помнишь?», «А это ты помнишь?»

Оказалось, что оба помнят все. Это радовало их и удивляло.

– А помнишь, как вы бегали по лесу? – смеясь, произнесла Крис. – Эйви просто ураган, не утонишься!

– Да, бегали мы здорово, – смущенно промолвил Айк. У него язык не поворачивался сказать, что Эйвор теперь и ходит-то с трудом.

– Кажется, это было примерно вот так... – мечтательно произнесла Крис и вдруг с быстротой молнии сбросила плащ и прыгнула в сторону, словно молодая лошадка.

В первое мгновение Айк опешил, потом поднял плащ и поспешил за ней. Но девушка отступала, проворно лавируя между деревьями, и не давала ему приблизиться.

– Постой! погоди минуточку! – закричал Айк счастливым голосом и засмеялся. – Крисси, ну подожди! Ты простудишься!

– Нет-нет, я не могу ждать! – поддразнила его Крис. Щеки ее разругались, глаза сверкали буйным весельем. – Я ужасно тороплюсь!

Она поддержнула подол платья и побежала прочь, легко перепрыгивая через поваленные стволы и подныривая под ветками. Айк, знавший, как опасна подобная беготня, особенно если человек к ней непривычен, бросился следом уже всерьез, быстро нагнал девушку и преградил ей дорогу.

Крис, хохоча, ухватила за ствол дерева, чтобы не упасть. Грудь ее вздымалась, крупные капли пота выступили на лбу, несмотря на холод.

– Вот заболеешь, и что тогда? – шутливо пригрозил Айк, набрасывая плащ ей на плечи.

– Неа, не заболею! – храбро возразила Крис. Перевела дух и лукаво добавила: – К тому же вы меня легко вылечите, опыт уже есть!

Ее разноцветные глаза смеялись, запах разгоряченного тела волнами поднимался из выреза платья, от обнаженных до локтей рук и растрепанных волос. Прерывистое и жаркое дыхание касалось лица Айка.

В нем начала заниматься мелкая дрожь, в ушах зазвенело. Какие-то пленительные чары овладели его телом, и он потерял над ним власть. Айк прижался лбом к прохладной коре дерева, и стало чуть полегче. Во всяком случае, он смог думать, а не подчиняться безвольно тому, что с такой внезапной и властной силой заговорило в нем.

– Чувствуешь? – тихо произнес он и положил обе ладони на ствол дерева.

– Что? – в тон ему прошептала Крис. Во взгляде ее было

любопытство и что-то еще, непонятное Айку.

– А ты прижмись головой к дереву. Как я.

Девушка послушно приникла к стволу и вздрогнула. Глаза ее смешно округлились от удивления.

– Оно движется!

– Да, – улыбнулся Айк, – качается. Как мачта корабля.

– Но ведь ствол такой толстый! – Крис запрокинула голову, разглядывая крону.

Айк смотрел на ее светлое горло, на ключицы, выступавшие под тканью платья, и вдруг почувствовал дикое желание прижаться к ним губами. Это было как внезапный удар под дых, он и представить не мог, что может испытывать что-то подобное. Весь красный, он отвел глаза и поспешно произнес:

– Да, нам кажется, будто качается крона, а ствол неподвижен. Даже если прикоснуться рукой, ничего не почувствуешь. Только вот так, головой прижаться. Такое толстое дерево раскачивается все, целиком. Удивительно, правда?

– Необыкновенно! – прошептала Крис, снова прижимаясь щекой к коре. – Такое странное чувство...

– А теперь закрой глаза, – прошептал Айк, – и представь, что ты на корабле, стоишь на рее, высоко над палубой и держишься за мачту...

Он закрыл глаза, и земля плавно качнулась под ногами. Казалось, еще секунда – он сорвется и полетит вниз.

– Ай! – Крис засмеялась и крепче ухватила за дерево. –

Я упаду!

Теплые пальцы легли поверх руки Айка, и это прикосновение жарким трепетом отозвалось во всем его теле. Он нежно накрыл ладонью вторую руку девушки.

– Не упадешь. Я тебя держу.

– Да, я знаю, – мятежные, как штормовое море, глаза Крис открыто и смело смотрели в его глаза, – ты сможешь меня удержать.

– А ты меня, – тихо промолвил Аик и крепче сжал ее пальцы.

К вечеру непогода разгулялась всерьез. Небо словно прижалось к земле, лилово-серые тучи сплошным потоком летели над верхушками деревьев. Будь Аик в состоянии мыслить здраво, он наверняка вспомнил бы ту бурную, холодную ночь несколько лет назад, когда они с Джори несли Крис через лес к дому Райни. Но сейчас он не обращал внимания на погоду, не чувствовал ни голода, ни усталости, не видел вообще ничего вокруг.

Ничего и никого, кроме Крис.

Они гуляли, болтали, и день пролетел, как одно мгновение. Лишь когда между деревьями начали сгущаться тени, Аик проводил девушку до окраины деревни.

– Ну вот. – Крис с явной неохотой выскользнула из плаща. Аик взял его в каком-то забытии. – Мне надо идти.

– Мы же увидимся снова? – выдавил Аик.

Ему стало неловко. Он не любил прощаний.

– Если ты как следует попросишь, – лукаво улыбнулась Крис, и Айка вновь захлестнул трепещущий жар.

– Пожалуйста, я прошу тебя, Крисси! – почти прошептал он, задыхаясь.

– Ну, значит, увидимся, – небрежно произнесла Крис. Взяла плащ из рук Айка, накинула ему на плечи и застегнула. – Но ты должен пообещать мне кое-что, я бы даже сказала – поклясться.

– Все что угодно! – пылко воскликнул Айк. Он едва сдерживался, чтобы не коснуться губами ее рук, оказавшихся внезапно так близко от его лица.

Крис засмеялась, взяла его за плечи и с шутливой серьезностью заглянула в глаза. Руки у нее были крупные и по-прежнему крепкие.

– Обещай, что сейчас быстро-быстро пойдешь домой, не попадешь под дождь и не простудишься. Только на таких условиях я согласна снова с тобой встретиться. Договорились?

Айк кивнул. Вели ему Крис скинуть одежду и идти домой голышом, сделал бы это без колебаний – он совсем потерял голову.

– Вот и отлично. Тогда до встречи! – Она улыбнулась и вдруг подпрыгнула, точно ее укололи, и бросилась бежать.

– Но... Крис, подожди! Крисси! – отчаянно воскликнул Айк, бросаясь за девушкой.

Она остановилась и с любопытством спросила:

– Ну что?

– Я... я хотел спросить... когда мы снова встретимся?

– О, не ерунди, Айк! – Крис нетерпеливо шевельнула острым плечиком. – Я обо всем позабочусь. Не дергайся, ладно? Иди скорей, тебя могут увидеть!

Айк поспешно отступил назад, под защиту деревьев.

– Ну, пока-пока! – И она умчалась.

Несмотря на обещание, Айк еще долго не мог сдвинуться с места – все стоял и смотрел ей вслед. Наконец удалось кое-как собрать разбредаящиеся мысли и двинуться в сторону города.

Он шел, словно по воздуху, не замечая, что распахнутый плащ цепляется за кусты, темнота сгущается, а ветер насквозь пронизывает лес. Хлынул дождь, но Айк остался равнодушен к его ледяным прикосновениям. Он был весь во власти грез, вдвойне прекрасных оттого, что они пробудились впервые.

Нельзя сказать, что девушки его не интересовали. В городе хватало молодых особ, способных лишить соображения не одну горячую голову.

Айк часто замечал, как девушки перешептываются и прыскают в кулак при виде него, однако с некоторых пор насмешки начали задевать его сильнее, чем хотелось бы. Не раз и не два дерзкий, блестящий взгляд какой-нибудь юной красотки заставлял его вздрогнуть и ускорить шаги.

Но этот путь для него заказан, он отделен от остальных людей непреодолимой стеной.

Что же изменилось, чем Крис отличалась от других девушек? Ее не пугало, кто он и чем занимается. Впрочем, она давно об этом знала, так что ничего странного здесь нет. Они всегда дружили, правда, Крис предпочитала общество Эйво-ра.

После того памятного путешествия по ночному лесу, когда Крис заболела и они с Джори принесли ее в дом Райни, они виделись от силы два-три раза и как-то мельком.

Может быть, поэтому сегодняшняя встреча, первая настоящая встреча за прошедшие годы, так поразила Айку? После долгого перерыва он взглянул на Крис словно бы другими глазами – и его потянуло к ней с огромной, неистовой силой, как изголодавшегося к куску хлеба.

Счастье, чистое и незамутненное, которое Аик так редко испытывал, переполняло его. Он был как прозрачный сосуд, полный ослепительного света, и строил воздушные замки с такой быстротой, что мог бы уже в них поселиться.

Он видел себя признанным избранником Крис. Джори говорил, она по-прежнему необыкновенно популярна среди молодых людей. Ну и обозлятся же деревенские парни, когда узнают, что Крисильда Холланд предпочла им всем сына Свершителя!

Но не это было главным, конечно нет! Главное то, что Крис – самая красивая, самая веселая и добрая девушка в

мире. Он знал это всегда, с того летнего вечера, на второй день их знакомства, когда она склонилась над речной заводью и отраженный свет сверкнул на ее косе, причудливо заплетенной с одной стороны головы.

«Не валяй дурака, Айк!, – твердил скептически настроенный внутренний голос, – просто Крис – *единственная* девушка, которую ты знал! Ты и правда думаешь, что она бросит все и поселится в вашем унылом доме? Да она там померет от тоски!»

«Вовсе нет!, – тут же возражал Айк самому себе, – она может жить в лесу, с Эйви и девочками. Ей не будет скучно, а я буду приходить, хоть каждый день!»

«Лэнд Холланд в жизни не согласится отдать дочь в семью Свершителя... вспомни, он организовал нападение на твоего отца три года назад! И что скажет Джори?»

«Джори обрадуется, он знает, как Крис мне нравится. И мы с ним сможем видеться чаще! А их отец... да ему наплевать, он давно все забыл! Утопил горести в бочке с вином, ха-ха!»

«Размечтался... и одно дело нравиться и совсем другое – женитьба. Ты что, в самом деле хочешь жениться на ней?»

«А почему бы и нет? Все женятся, чем я хуже других?»

«Нелепый вопрос...»

Но Айк отмахнулся от голоса, точно от комара, нудящего над ухом. Не суть, подумаем об этом потом, позже. Сейчас он не мог и не хотел думать ни о ком, кроме Крис.

Снова и снова он вспоминал, как она улыбалась, как коснулась его руки, вызывал из памяти мельчайшие детали – поворот головы, жесты, взгляд. Он перебирал мгновения счастья, как скупец свои сокровища.

Что за необыкновенные, чарующие у нее глаза! В них можно утонуть, как в бурном потоке. А восхитительный аромат, исходивший от ее рук и плеч?! Пожатие руки, такое горячее и твердое! О, если бы вернуть то мгновение, у дерева, он бы тогда... он...

«И что бы ты сделал? – насмешливо прошептал внутренний голос. – Поцеловал бы ее?»

У Айка захватило дух от этой мысли – как будто смотришь вниз с вершины огромного дерева. Голова закружилась, по коже побежали мурашки. Это казалось невероятным, но он отчетливо понял – надо было поцеловать Крис, она этого ждала.

А может, он все выдумал? Вдруг она рассердилась бы и не захотела больше его видеть? Нет-нет, подумать страшно! Он должен увидеть ее снова, обязательно и как можно скорее, ведь он уже скучает по ней...

Айк провел всю свою жизнь в лесу и, разумеется, знал кое-что о продолжении рода. К тому же в книгах встречались весьма красочные описания таких вещей.

Одно из них попало Айку на глаза примерно лет в восемь. Он ничего не понял, но был так поражен, что унес книжку из библиотеки и спрятал у себя под матрасом. Вско-

ре ее, вероятно, нашла мама, потому что книжка исчезла и Айк больше никогда ее не видел, сколько ни рылся в библиотеке.

Связать описанное в ней с продолжением рода он смог значительно позднее, и даже тогда ему не верилось, что между людьми все происходит именно так. Ну не может быть, чтобы мама и отец – особенно отец! – и вправду занимались подобными глупостями!

И вот теперь, чувствуя, как внутри все горит при одной мысли о поцелуе Крис, Айк начал понимать, что побуждает людей соединяться. Это чувство было сильнее голода, сильнее страха, сильнее всего, что он когда-либо испытывал.

О, в другой раз он обязательно поцелует Крис, он не будет таким глупым и нерешительным! Только бы встретиться и снова прочесть в ее глазах обещание счастья...

Внезапно на голову пролился поток воды, и Айк подпрыгнул от неожиданности.

Он стоял перед дверью собственного дома – не заметил, как вышел из леса и прошел по городу. С козырька над крыльцом текли ручьи, ветер швырял водяные струи то в одну сторону, то в другую, словно забавляясь.

Айк весь вымок, в сапогах хлюпала вода. Обычно очень чувствительный к неудобствам, сейчас он философски пожал плечами и толкнул дверь.

В доме было темно и тихо. Лишь теперь, очутившись в тепле, Айк ощутил, как замерз. Замерз, устал и страшно го-

лоден. Пора подумать о насущных проблемах, одними мечтами сыт не будешь.

На кухне он поспешно стащил одежду и подбросил в плиту дров. Чуть тлевший огонь сразу вспыхнул, захрустел подачкой, как пес костью.

Обнаженный, Айк присел на корточки перед плитой. Он чувствовал себя настоящим индейцем, как прежде, во время детских игр. Протянул к огню руки и со вздохом ощутил, что отогревается.

На столе обнаружилась половина чуть подсохшего хлеба и ягодная вода в кувшине. Никогда еще пища не казалась Айку такой вкусной – то ли от голода, то ли потому, что все чувства обострились. Он ощущал каждую мелочь – шум дождя и удары ветра о стены дома, шипение воды, капавшей на плиту с развешенной одежды. Чувствовал, как на просыхающей коже встает один отдельно от другого каждый волосок, и как тело начинает оживать, согреваясь и насыщаясь.

Невероятно – он ел вот этот хлеб лишь сегодня утром! И так странно, что все по-прежнему, все предметы на своих местах, как будто ничего не случилось! Словно и не ударила в Айку невидимая молния, разделившая жизнь на «до» и «после» встречи с Крис.

Внезапно он вскочил, пораженный неожиданной мыслью. Надо написать ей, прямо сейчас! А завтра, на рассвете, отнести письмо в тайник и попросить Джори передать его сестре. Жаль, оно не сразу попадет к ней – когда еще Джори

соберется в деревню. Но можно будет начать новое письмо! Это поможет прожить время, оставшееся до новой встречи!

Как был, обнаженный, Айк выскочил из кухни, бесшумно взлетел по лестнице на второй этаж. В мастерской темно, огонь в камине почти погас. Отец лег спать, а может, ушел к больному.

Айк зажег свечу, отнес к себе в комнату и, завернувшись в одеяло, подсел к столу. Достал чистый лист бумаги, очинил перо и замер.

Что же написать ей?

С письмами к Джори у Айка такого вопроса никогда не возникало. Он писал их так, как если бы напрямую беседовал с другом. Писал о том, что просто сказал бы, будь Джори рядом. Но что он сказал бы Крис, окажись она сейчас здесь, в этой комнате?

Айк не знал.

Глупо писать о чем-то повседневном — да и вряд ли Крис порадуют подробности жизни Свершителя. К тому же они проговорили целый день напролет и, кажется, рассказали обо всем случившемся с ними за прошедшие годы. Оставались мысли, чувства, мечты...

Мечты! Сейчас Айк мог мечтать только о новой встрече с Крис. Быть может, так и написать? Напомнить об обещании, что она сама устроит их свидание. Айк не представлял, как у Крис это получится, но доверял ей, слепо и беззаветно, и был готов ждать, сколько нужно.

Он обмакнул перо в чернила, поднес его к листу – и тут снова вышла заминка.

Как обратиться к ней?

Если верить книгам, в таких случаях обычно пишут «дорогая» или «милая» или даже (Айк вздрогнул) «любимая», но сразу стало понятно, что у него не хватит смелости присоединить к имени Крис ни один из этих эпитетов. Порой он начинал письма словами «Дорогой Джори», но с молодым кузнецом их связывала давняя и нежная дружба, и такое обращение казалось естественным. С Крис они тоже дружили, но...

Промучившись с полчаса, Айк остановился на «Доброго дня, Крисси!». Не слишком нагло и по-дружески. Он аккуратно вывел строчку, прикладывая все усилия, чтобы не посадить кляксу, и шумно выдохнул. Прислушался к шуму дождя за стеной, покосился на свечу – он делал на них насечки, чтобы хоть примерно представлять течение времени.

Одна строчка за полчаса! Так он и к утру не закончит. Ужас какой-то.

Айк нетерпеливо поерзал на стуле. Надо быть проще, свободнее, в конце концов, они знакомы столько лет. Может, представить, что он пишет не Крис, а Джори, тогда дело пойдет на лад?

Невольно мысли Айка обратились к другу. Как-то он там сейчас, в такую бурю? Может, пойти к нему и спросить совета насчет письма? А вдруг он придумает, как им с Крис

снова встретиться?

Счастье просто распирало Айка, стремилось выразиться, подарить себя миру. Но даже оно не могло заставить его забыть о том, что приходить к Джори без предупреждения слишком опасно. К тому же усталость, физическая и душевная, брала свое. Было ясно, что сегодня ничего путного ни написать, ни сделать не получится.

Но Аик упрямо не вылезал из-за стола, еще надеясь на что-то. В задумчивости он нарисовал на краю листа цветочек. Подумал, добавил пару цветков и завитушку. Потом внизу пририсовал изящное деревце, с тонкими веточками, покрытыми листиками и плодами. Потом голова его опустилась на сгиб руки...

Эдвард действительно был в отлучке. Он провел у постели больного всю ночь и вернулся незадолго до рассвета.

Обеспокоенный долгим отсутствием сына, он первым делом заглянул в его комнатушку.

Свеча догорела. В полумраке смутно виднелась фигура спящего Айка – он скорчился за столом, завернувшись в одеяло, и сладко посапывал. Перо выпало из расслабленных пальцев, в открытой баночке засыхали чернила.

Эдвард тихонько вздохнул, заткнул баночку пробкой и вышел, прикрыв за собой дверь.

Одно обещание, данное Крис, Аик выполнил – он не простудился. Говорят, влюбленных Всемогуший охраняет и, ви-

димо, в этот раз он потрудился на славу.

Пробудившись, Айк сразу понял – что-то изменилось. Засыпать за столом ему доводилось и раньше. Было что-то еще, какое-то новое чувство, помимо боли в затекших мышцах.

Он медленно поднял голову и выпрямился. Так, наверное, могла бы разогнуться ожившая статуя.

В комнате стояла страшная духота. Айк приоткрыл дверь, и слабый свет упал на листок с начатым письмом. «Доброго дня, Крисси!» – значилось на нем, а дальше шли странные рисунки и узоры, наполовину смазанные неосторожной рукой.

Как он мог забыть!

Воспоминания о вчерашнем дне появлялись в его мозгу одно за другим, точно птицы, что возвращаются в гнезда под вечер. И вместе с ними душу Айка безудержным потоком заполняло счастье.

Подумать только, он уснул, не закончив письмо к Крис! Надо сейчас же заняться им и успеть отнести до того, как Джори проверит тайник!

Айк завернулся в одеяло, на цыпочках выскользнул из комнаты, вздрагивая от прикосновений холодного пола к босым ногам.

Дверь в спальню отца была распахнута настежь, и Айк осторожно заглянул туда.

Эдвард спал. Восходящее солнце, пробиваясь сквозь окно в мастерской, бросало на постель и на пол свежие, соч-

но-желтые лучи. Сон допоздна не входил в привычки отца, значит, он и правда вернулся под утро. Не стоило его будить.

Восторг бурлил в Айке, и он едва удержался от того, чтобы вскочить на постель и начать прыгать по ней, как делал малышом.

Отец при этом сердился, а мама смеялась. Ее смех, казалось, обезоруживал Эдварда. Он живо вскакивал, снимал Айку с постели и выставлял за порог, наградив напоследок легким шлепком. И быстро запирали за ним дверь...

Воспоминание было неожиданным и четким – Аик невольно прижал ладонь к груди, опасаясь, что буханье сердца разбудит отца. Путаясь в одеяле и хихикая, сбежал по лестнице в кухню.

Огонь в плите погас, но одежда Айка успела просохнуть. Он поспешно натянул ее, хлебнул воды и выскочил во двор. Пробыл там не больше минуты, и, вернувшись, как на крыльях взлетел вверх по лестнице.

Есть не хотелось, да и какая уж тут еда! Время уходит!

Раз отец спит, можно спокойно воспользоваться его столом и чернилами. Да если и проснется, что такого-то? Не убьет, наверное, Аик ему еще нужен. Кто, кроме него, будет заниматься всей этой дрянью?

Аик усмехнулся и бережно, словно лаская, разгладил лежащий перед ним чистый лист. В этот миг «вся эта дрянь», омрачавшая каждый день его жизни, неожиданно легко исчезла из мыслей.

Он обмакнул перо в чернильницу и, задержав дыхание, заново вывел первые слова: «Доброго дня, Крисси!»

А потом шел по городу обычным стремительным шагом, но теперь спешка была вызвана не желанием побыстрее дойти и убраться с улиц, просто он и правда торопился. Он шел, подставив лицо солнцу, которое, казалось, грело, как никогда.

Небо было ярким и чистым, словно месяц непрерывных дождей отмыл его до блеска. От мостовой и стен домов поднимался пар, в воздухе разливалось тепло. Весь город как будто посвежел и встряхнулся, даже вонь слегка ослабела.

Повеселевшие горожане высыпали на улицы и перекликались бодрими голосами.

Айк знал наперечет утренние звуки и узнавал голоса людей. Он шел, сжимая в ладони заветное письмо, а любовь росла и ширилась в нем с каждым шагом. Удивительным образом он любил сейчас не только Крис, Джори, своих родичей – он любил весь Вьен, и лес, и другие города и страны. Весь мир, казалось, могла охватить и согреть его любовь.

Люди ненавидели Айка без всякой причины, просто за то, что он родился под несчастливой звездой Свершителя. Но сейчас он любил так сильно, что простил их.

И тут же ощутил, насколько на самом деле слаба и ничтожна эта ненависть. По сравнению с его великой любовью она была... ничем. Она не стоила того, чтобы даже замечать

ее. Как мог он, безумный, позволять ей уродовать свою душу?! Как мог страдать оттого, что никогда не смешаться ему с этой толпой? Окруженный ненавистью людей, он чуть не уподобился им.

Но теперь все будет по-другому.

Он уже видел заветное место, надо собраться, чтобы быстро и незаметно положить письмо в тайник. Айка глубоко вздохнул, пропустил очередную телегу и оперся рукой о стену дома...

Письмо скользнуло в тайник, и тут дыхание замерло в груди – навстречу, залитый ярким утренним солнцем, шел Джори.

Он шел не торопясь, раздавая направо и налево приветствия и слегка улыбаясь в ответ на шутки. В нем всегда было нечто такое – людям льстило его внимание. Он мало говорил, но слушал так, как будто слова говорившего захватывали его целиком. Эта особенность делала его общество приятнейшим в мире.

Джори сутулился и выглядел усталым. Русые, спутанные пряди падали ему на лицо, он машинально заправлял их за уши, говорил и улыбался явно через силу.

Но вот он увидел Айку – и в один миг переменялся, как по волшебству. Серые глаза радостно вспыхнули, лицо посветлело и стало мягче, словно тень, придававшая резкость чертам, отступила за его плечо – так облако опускается ниже сияющей на солнце вершины горы.

Горожане недовольно морщились, огибая застывшего посреди улицы Айка. Но некоторые из любопытства или из праздности бросали быстрый взгляд на его лицо и тут же отворачивались, в изумлении хмурия брови.

Если бы кто-то догадался проследить за его взглядом, то без труда бы все понял. Но люди были погружены в свои заботы и быстро выкидывали увиденное из головы, не давая себе труда задуматься над ним. Кому какое дело, что на уме у Свершителей!

Айк смотрел на Джори, и любовь к нему переполняла его сердце. И не только потому, что в его облике он невольно увидел черты Крис. Просто это же Джори, они так давно не виделись и встретились совершенно случайно – разве не счастье?

В порыве чувств Айк шагнул вперед, охваченный простым, естественным желанием обнять своего друга. Сказать, как здорово, что он здесь, ведь им о многом нужно поговорить...

Глаза Джори чуть расширились, но он не двинулся с места, даже не попятился. Только кровь мгновенно отлила от его лица, и оно стало белым, точно старая кость.

Он стоял и замороженно смотрел, как Айк идет к нему, а люди расступаются, словно косяк рыб перед килем корабля. Как будто отчаянный порыв Айка к счастью, к простой, открытой жизни передался и Джори и заставил его забыть об обычном благоразумии.

Их разделяло уже каких-то несколько шагов...

«Ты спятил?! Забыл, кто ты?» – чуть ли не взвыл внутренний голос... и ноги Айка приросли к земле.

Наваждение исчезло.

Джори поспешно отвел глаза и заговорил с кем-то. Аик стоял, глядя в землю, и глубоко дышал. Кровь мягкими толчками пульсировала в ушах. Он даже испугался, что сейчас потеряет сознание – перед глазами потемнело, и уличный гомон начал быстро отдаляться.

Этого не доставало! Рухнуть в грязь посреди улицы и подвергнуть Джори еще одному испытанию! Он не мог поверить в случившееся. Минуту назад он чуть не погубил своего друга – да что с ним такое?

К счастью, толпа быстро густела, и, похоже, его дурацкая выходка осталась незамеченной.

Джори закончил разговор и не спеша двинулся дальше, огибая Айка с правой стороны. Лишь легкий румянец выдавал охватившее его волнение.

Аик сделал над собой усилие и тоже шагнул вперед, пытаясь совладать с лицом и придать ему обычное выражение хмурого безразличия. Получалось, видимо, не очень – поравнявшись с Джори, Аик поймал его быстрый, полный горячего сочувствия взгляд.

Толпа разделяла их, да они и не смогли бы сблизиться, не привлекая внимания. И все же, проходя мимо, Аик чуть отвел в сторону правую руку, открытой ладонью вперед. Не

для того, чтобы Джори коснулся ее, нет. Глупо было думать об этом, стоя в центре зачумленного круга, к которому каждый Свершитель приговорен с рождения.

Он просто протянул руку так, как если бы она и вправду могла коснуться дружеской руки.

И краем глаза успел заметить, что Джори повторил его движение.

Большинство людей думают о своем, соображают плохо и очень не наблюдательны – так считал Айк. Почти всегда так оно и есть, но случаются и исключения.

Например, человек, стоявший в дверях кабачка «Два молота» в момент встречи Айка и Джори. Он хорошо видел молодых людей, потому что смотрел именно на них. От него не ускользнула ни немая игра их лиц, ни взгляды, говорившие красноречивее слов, ни даже прощальное соприкосновение рук, которого не было.

Единственное, чего он не заметил – как Айк клал письмо в тайник, в тот момент его закрывала проезжавшая телега.

Видимо, и впрямь сам Всемогуший взял на себя охрану Айка и Джори этим солнечным утром.

Книги утверждали – любовь неотделима от страдания, и Айк всегда недоумевал, почему. Вот он же любит Джори, брата, сестер, даже отца – при чем тут страдания?

А вот теперь он понял, при чем.

Неделя прошла как обычно, и эйфория начала потихоньку меркнуть, сменяясь недоумением и тревогой. Любовь пробудилась в нем впервые и сразу с огромной силой – скрывать ее оказалось очень тяжело. Как и всякого влюбленного, Ай-ка томило неотступное желание видеть предмет своей страсти, не говоря уж обо всем прочем. А приходилось молчать и вести себя, словно ничего не случилось. И делать то, что должно.

Как назло, встретиться с Джори тоже не получалось. В очередном послании он сообщил, что передал письмо Крис и, со свойственной ему деликатностью, больше ни о чем не спросил. Лишь напомнил, что всю неделю будет занят в кузне и не сможет приходить в лес.

Несмотря на более чем обычно ласковый тон письма, Ай-ку стало очень горько. Ведь ему ужасно хотелось не только расспросить Джори о Крис, но и поговорить о своей любви к ней.

Неделя подошла к концу, и Айк рискнул написать еще одно письмо. Любовь мучила его, сжигала изнутри. Влюблен-

ные подозрительны, и вот ему уже казалось, будто бы он все выдумал, и никаких особенных взглядов и пожатий руки не было. Крис просто обрадовалась встрече, а он вообразил себе невесту что, как дурак...

Подобные мысли причиняли такую сильную боль, что Айк не знал, куда деваться. При малейшей возможности сбегал в лес и бродил там в мрачном, молчаливом одиночестве. Даже возвращение летнего тепла не смогло поднять его настроение. Он часто приходил на то место, где они с Крис встретились, и там погружался в воспоминания, давая волю фантазии. Единственное и весьма слабое утешение.

Но воспоминания недолговечны. Можно помнить до мелочей, что происходило в тот или иной момент, но чувства, бурлившие когда-то в крови, не воскресишь. А без них воспоминание теряет ценность, превращается в сухую, скучную бумажку с нацарапанными на ней датами, именами и названиями.

Айк не ощущал этого в полной мере, но и в его мечты каждый уходящий день добавлял все больше и больше горечи.

Неужели Крис все забыла? Могла бы передать хоть пару слов через Джори! Или она не понимает, как мучает Айку своим молчанием? О, если бы он мог пойти к ней, прямо сейчас! Увидеть ее, услышать ее голос и знать, что она думает о нем!

Второе письмо также осталось без ответа.

В маленькой комнатке на втором этаже дома Свершите-

ля наступило отчаяние. Полное. Айк понял, что он и правда дурак и принял обычную радость встречи за нечто большее.

Это было ужасно. Он сам обрек себя на мучения.

Будущее прозревалось ясно: до смерти он будет любить Крис безнадежно и сильно, не получая в ответ ничего, кроме дружеской симпатии. Она выйдет замуж, у нее родятся дети, а он, Айк, останется влачить свои дни в этом мрачном доме, убивающем всякую надежду на счастье...

– «Оставь надежду всяк, сюда входящий...»^[1]

– Что?

Айк вздрогнул и понял, что произнес последнюю мысль вслух. Он сидел напротив отца за кухонным столом и, вероятно, ужинал – перед ним стояла миска с вареным картофелем и куском соленой козлятины.

– Просто задумался, – Айк с отвращением отодвинул миску, – не хочу есть.

– Ты уже неделю постишься. Решил уморить себя голодом? – меланхолично спросил Эдвард. В его темных глазах, как золотая вода, отражался свет лампы. – Сегодня карнавал и вся неделя праздничная, силы тебе понадобятся. Ешь.

– Отец, я...

– Не вынуждай меня держать тебя за столом, пока все не съешь, как будто тебе пять.

Хотелось запустить миской в стену, но Айк не мог даже разозлиться как следует, такое его охватило уныние. Он при-

¹ Данте, «Божественная Комедия»

двинул посудину обратно и начал с остервенением запихивать в себя еду.

– Другое дело, – заметил Эдвард и встал, чтобы подобрать дров в плиту. – Свершитель обязан быть предельно собран во время наказания. Нужно поддерживать силы если не ради себя, то ради людей, которые будут отданы в твои руки. А сейчас, в праздники, таких людей будет предостаточно.

Отцовские наставления насчет того, чего должен и чего не должен Свершитель, давно стояли у Айка поперек горла, но он промолчал. Положил пустую миску в таз для грязной посуды, налил себе горячей ягодной воды.

Знакомый с детства вкус успокаивал, и ему вдруг страшно захотелось домой. Пройти через родной двор, подняться в свою комнату, обнять Эйвора и говорить, говорить... Младший любит его, он, конечно, не все поймет, но выслушает.

Выпустить из души этот яд, и тогда она обязательно пойдет на поправку. И, быть может, боль хоть немного утихнет.

– Отец?

– М-м-м?

– Когда мы уходим?

Эдвард удивленно приподнял брови.

– Уходим? Куда?

Сердце Айка упало.

– Домой... мы всегда проводим праздники дома, разве нет?

– Обычно да.

– Но не в этот раз?

Эдвард бросил на него быстрый взгляд и мягко промолвил:

– Нет, сейчас мы останемся в городе. Так надо. Эйвор знает, он ждет нас только через неделю.

– Тогда можно я схожу в лес сейчас? – в отчаянии воскликнул Айк. Желание побывать дома неожиданно обострилось и стало нестерпимым. – Ведь еще не очень поздно!

– Айки, – еще мягче произнес Эдвард, – не стоит никуда ходить. Когда ты вернешься, карнавал будет в самом разгаре. Лучше побудь дома и отдохни.

– Да пусть Темный Лик заберет этот отдых! – взорвался Айк. – Я не могу здесь оставаться!

Лицо Эдварда мгновенно затвердело и стало непроницаемым.

– Не хочешь – как хочешь. Тогда отправляйся наверх и принимайся за уборку. Вытри везде пыль, перетряхни постель и помой лестницу.

– Нет! – дерзко произнес Айк.

Он задыхался, его душили слезы. Стены дома словно давили на него. Уйти – немедленно, сейчас же! И никогда не возвращаться...

Эдвард стоял перед ним, загораживая выход из кухни. Айк сделал попытку проскользнуть мимо, но жесткие пальцы стиснули его плечо.

А потом отец не то чтобы отшвырнул, скорее с силой ото-

двинул его на прежнее место, но от этого короткого и удивительно легкого движения Айк отлетел назад и еле удержался на ногах. В полете он задел бедром край стола, на пол обрушилась вся утварь, кувшин с ягодной водой грохнулся вдребезги.

– Ну вот, работы тебе и прибавилось, – невозмутимо произнес Эдвард, как будто посуда разбилась по чистой случайности.

Айк, стиснув кулаки, смотрел на него исподлобья. Злость клокотала в нем, но в душе уже пробудился прежний, застарелый страх перед сокрушительной силой отца. Понимая, что продолжать противостояние бессмысленно, Айк гневно бросил:

– Ты не сможешь держать меня здесь вечно!

– И не собираюсь, – Эдвард спокойно повернулся к выходу, – это только на время карнавала. И не вздумай сбежать, если не хочешь, чтобы я привел тебя назад силой.

Лицо Айка вспыхнуло от унижения. Еле сдерживая слезы, он в бессильной ярости схватил уцелевшую кружку и со всей силы швырнул ее об пол, но поднимавшийся по лестнице Эдвард даже не сбился с шага. Айк присел на корточки и закрыл лицо руками.

Удивительно, но стало чуть легче – по крайней мере, он не заревел, как обиженный ребенок.

«Ты и есть ребенок, – насмехался внутренний голос, – взрослости достиг, а ума не прибавилось. И самообладания

тоже, ни на йоту. Ты жалок, Айк! Отец прав, глупо идти через город в разгар праздника, это слишком опасно. Тебе переломают кости, а может быть, и убьют, и никто не найдет и не накажет виновных».

— Ну и пусть! — всхлипнул Айк, ползая по полу и собирая черепки. — Лучше сдохнуть, чем жить так! Лучше бы я сдох, еще не родившись — нет, лучше бы я вообще не родился!

«И снова детство! Когда ты повзрослеешь?»

— Когда ты исчезнешь из моей головы, — пробормотал Айк, — и перестанешь меня доставать? Ладно, пусть я жалок и пусть я ребенок, но ты ничуть не лучше, потому что ты — это я.

Внутренний голос не нашелся, что ответить.

Пару часов спустя Айк вытащил во двор ведро с грязной водой и выплеснул ее под ближайший куст. Прополоскал тряпку, пристроил сохнуть на остатках изгороди, окружавшей задний двор.

Злость ушла, и он снова впал в печальную задумчивость, граничившую с угрюмостью.

Тягучие летние сумерки медленно опускались на город, теплый ветер шелестел листвой. На востоке всходила луна — сливочно-желтая, окруженная дымчатым сиянием, как кусочек расплавленного масла. Музыка, смех и возбужденно-радостная болтовня сливались в один сплошной ровный гул — далеко, за домами. На улочке, где стоял дом Свершителя, как

обычно, было тихо и безлюдно.

Айк философски пожал плечами. Что ж, может это и неплохо – пусть веселятся подальше от их дома. И все-таки, вопреки разумным доводам, ему стало очень грустно.

Поистине мир – несправедливое место!

Ведь ему всего пятнадцать, жажда жизни переполняет его, а приходится сидеть в одиночестве, пока все гуляют и веселятся!

«Ну и к Темному! – печально подумал Айк. Прислонился спиной к стволу дерева и сполз по нему вниз, на корточки. – Очень надо! Хоть фейерверк посмотрю».

Весьма слабая надежда – из-за крыш ничего не будет видно, и он знал это. Но в дом не шел, а все сидел, погруженный в свои мысли. Стемнело, но луна, набирая силу, всплыла над крышами, и в ее свете была видна каждая травинка. Улица таяла во влажной серо-голубой дымке, кругом ни единого огонька; нежно, призрачно, сладко благоухал розовый шиповник у изгороди.

Шум праздника усиливался, и вот на главной площади грянула музыка, оповещающая о начале карнавала.

Отец, кстати, и не думает выйти и проверить, куда он запропастился. Так уверен в том, что его не послушают?

Пережитая обида снова всколыхнулась в душе, и губы Айка скривились в горькой усмешке.

Так оно и есть, толку-то отрицать очевидное, с досадой думал он, кусая большой палец у ногтя. Он никуда не ушел

бы, потому что испугался. Одна мысль о том, что отец потащит его назад на глазах у толпы, была слишком унижительна, не хотелось даже думать об этом. Ведь он уже взрослый и многое делает наравне с отцом, но тот продолжает обращаться с ним, как с ребенком, которому достаточно пригрозить, чтобы добиться послушания.

Неожиданный звук заставил Айка вздрогнуть и навести уши.

Кто-то шел по улице в его сторону. Отчетливо слышались легкие, крадущиеся шаги двух человек.

Ну нет! Неужели опять?!

Айк поднялся, разминая затекшие ноги, и спрятался за угол дома. Луна заливала улицу серебристым светом, и он сразу увидел две фигуры, закутанные с ног до головы в плащи с капюшонами.

Странно, что они тут забыли? Если собираются отвести душу на доме Свершителя, то отчего идут так скрытно? Обычно во время праздников народ не церемонится...

Фигуры остановились напротив дома и начали шепотом совещаться. Айк не разбирал слов, но один голос точно был женский. Совсем непонятно. Женщины как огня боялись Свершителей... ну, во всяком случае, старательно делали вид, что боятся.

Внезапно Айк понял, что ему это надоело.

Почему он прячется, словно преступник? Их только двое, ему по силам схватиться и с большим числом противников.

Выскочить прямо перед ними и полюбоваться, как они побегут, вопя от ужаса! И гнать до самого конца улицы, чтобы навсегда отучить околачиваться возле его дома и замышлять всякие гадости!

«Хватит отсиживаться в тени! – в смятении думал Айк, стискивая кулаки, – хватит пресмыкаться перед ними! Если ты страшен и отвратителен им – так пусть страх будет настоящим, пусть они трепещут перед тобой!»

И он бросился вперед.

В два прыжка, собрав в плечах и руках всю силу, Айк налетел на темные фигуры. Они отшатнулись с приглушенным вскриком.

Но вместо того чтобы обратиться в бегство, один из незнакомцев вдруг бросился к Айку и схватил его за запястья. Это поразило и одновременно взбесило его.

Значит, под покровом темноты можно все, и мы даже не брезгуем прикасаться к Свершителю?!

Не помня себя от ярости, Айк мгновенно высвободил одну руку и уже собирался навесить наглецу в ухо, когда знакомый голос произнес задыхающимся шепотом:

– Айки, это я!

Ошеломленный, Айк отступил на шаг.

– Джори?!

– И Крис! – насмешливо произнесла вторая фигура и торжественно хихикнула. – Ну ты даешь! Всемогуший меня задери, чуть не описалась со страху!

– Крис, следи за языком! – сурово осадил ее брат. Откинул капюшон и крепко обнял Айка. – Я так соскучился! Прости, что не смог прийти раньше!

Айк всхлипнул и сжал руки с такой силой, что Джори охнул и тихо засмеялся.

Джори и Крис здесь, они пришли к нему, они рядом! Его друзья! В голове мутилось, мысли путались, он с трудом нашел в себе силы шагнуть навстречу Крис.

– Здравствуй...

– Привет! – непринужденно ответила девушка. Словно они расстались час назад, и не было этой невыносимой, томительной недели молчания. – Я же говорила, не дергайся, я сама все устрою, а ты? Признавайся – дергался?

– Дергался, – сокрушенно сознался Айк.

Счастье поднялось в нем и закипело горячим ключом. Он и правда дурак, но не так, как думал. Он зря не доверял своему сердцу – и Крис.

Тут над их головами скрипнуло, открываясь, окно. Айк поспешно толкнул Джори и Крис к стене дома и выступил вперед.

– Айк? – негромко позвал Эдвард. Из мастерской доносилось шипение и бульканье каких-то смесей.

– Да, я здесь.

– Я слышал крик.

– Это я ударился... рукой об угол.

– Опасно бродить в темноте. Будешь ужинать?

– Э-э-э... я не голоден. Посижу пока здесь. Такая теплая ночь! – фальшиво произнес Айк, внутренне сжимаясь от страха. Отец точно что-то заподозрит!

Но мысли Эдварда явно были далеко.

– Как знаешь. – Окно захлопнулось, и наступила тишина.

Айк шумно выдохнул и, схватив друзей за руки, поспешно затащил их под деревья.

– О, здесь в самый раз! – заметила Крис, оглядываясь.

– Для чего? – удивился Айк и только тут догадался спросить: – А как вы... то есть, я безумно вам рад, но почему...

Джори обнял его за плечи.

– Мы пришли за тобой.

– Э-э-э... то есть к-как за мной? – Айк даже начал заикаться от волнения. Он догадывался, но боялся верить.

– Айк, не ерунди! – Как всегда, Крис первая потеряла терпение. – Сегодня можно все! Можно стать кем хочешь в карнавальную ночь, и никто тебя не узнает!

Тут брат и сестра достали из-под плащей черные полумаски и надели их. Еще одну полумаску и свернутый плащ Крис протянула Айку.

– Надевай! Но куртку скинь, больно она у тебя приметная. У тебя же светлая рубашка? Или Свершители обязаны все носить черное, вплоть до трусов?

– Крис! – возмущенно зашипел Джори, и тут Айк захохотал.

Зажал рот ладонями и согнулся пополам, сдерживая рву-

щийся изнутри смех, у него даже слезы на глазах выступили.

– Нет, – произнес он, когда обрел дар речи, – у меня... светлая рубашка.

– Ну и отлично! – деловито заявила Крис. – Одевайся давай, время уходит!

Хихикая, Айк быстро снял куртку, повесил на ближайший сучок и накинул плащ. Пронизывающая дрожь покалывала кожу тысячами невидимых иголочек, но он чувствовал огромное облегчение. Смех, как поток, вымыл и вычистил его изнутри, унося с собой тяжкие переживания последних дней.

Когда Айк надел полумаску, Крис отступила на шаг и окинула его внимательным взглядом.

– Неплохо! – одобрительно произнесла она. – Только вот что...

Она обвила руками его шею и развязала кожаный шнур, стягивавший волосы. Густые, пушистые пряди рассыпались по плечам Айка, Крис ловко поправила их, чтобы лежали естественнее.

– А это зачем? – удивился Айк. Сердце его бешено стучало – Крис *обнимала* его, это было невероятно! – Мешать будут!

– Затем, что тебя привыкли видеть с убранными волосами, дубина! Теперь точно никто не узнает, – она ревниво вздохнула, – роскошные все-таки у тебя волосы! Девчонки обзавидуются!

Айк почувствовал, что краснеет. Собственно, покраснел он давно, но лишь сейчас ощутил, как пылает лицо.

– Какие еще девчонки?

– Да все, какие тебе встретятся! – засмеялась Крис и схватила его за руку. – Ну, пошли!

– Погоди, – остановил ее Джори, – еще кое-что, для полноты образа!

Он зашуршал тканью, извлек из-под плаща какой-то большой, темный предмет... и вдруг с победным возгласом водрузил его Айку на голову!

– Что это?! – ахнул тот.

Джори засмеялся.

– Помнишь, ты мне рассказывал о человеке с клеймом в виде буквы «Р»? Это навело меня на мысль о шляпе. Ты в ней как настоящий пират, вот бы еще саблю...

– Только не говори, что выковал ее для меня, – слабым голосом произнес Айк, ощупывая обновку, – и где ты раздобыл такую шляпу?

– Совершенству должен быть предел! – снова засмеялся Джори. – А шляпу заказал у мастера – вроде как для карнавала. А мне Крис другой костюм сшила!

Горло сдавило судорогой, Айк испугался, что сейчас расплчется и будет выглядеть полным идиотом. Но справился с собой. Глаза предательски увлажнились, и он про себя порадовался, что уже надел маску.

– Ну пошли скорей! – Крис решительно схватила Айка и

Джори за руки. – Праздник или нет? Будем веселиться так, чтоб небу стало жарко!

Не смея верить своему счастью, Айк шел между Джори и Крис. Ощущение нереальности происходящего не покидало его.

Он пойдет на карнавал! И никто не узнает его, никто не отшатнется в ужасе! Айк понял, что поверит в это, только когда сам увидит.

Чем ближе к концу улицы, тем громче становился шум праздника. Он выплескивался с главных улиц в переулки, как вода из переполненного ведра. Мерцали разноцветные фонарики, мелькали пестрые наряды и украшения.

А вдруг отец обнаружит его отсутствие и вправду пойдет в город, чтобы привести его назад?

В животе похолодело, и Айк невольно замедлил шаги.

Быть может, еще не поздно вернуться? Сидеть дома, когда все веселятся, не очень-то приятно, но, в конце концов, и дом, и отец вполне предсказуемы. А что ждет его там, в ночном городе, охваченном лихорадкой карнавала?

Вдруг его узнают?

Крис продолжала идти, звонко стуча каблучками туфель по булыжнику, но Джори чуть поотстал, и Айк ощутил его теплые пальцы на своем запястье.

– Все в порядке, – мягко произнес он, – правда. Если хочешь остаться, мы пойдем.

– Ну уж нет! – возмущенно вскинулся Айк. Не хватало еще, чтобы Джори решил, будто он струсил!

И снова успокаивающее пожатие.

– Все получится, Айки. Мы будем рядом, не отойдем ни на шаг, обещаю.

– Эй, чего вы там застряли? – Крис возвращалась вприпрыжку. – Что опять?

– Все в порядке, – поспешно произнес Айк, поправляя плащ, – застежка вот... расстегнулась.

– Ах, застежка! – насмешливо протянула Крис, и Айк почувствовал, что снова неудержимо краснеет. Вот наказание, когда он научится хладнокровно врать! – Ну так помощь нужна? С застежкой?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.